

Г. П. Ежов

**ИРАН, СЕРЕДИНА XX ВЕКА
(ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦА)**

Вместо предисловия

После демобилизации из рядов флота, и окончания в 1951 г. 6-го («переводческого») курса Московского института востоковедения, я получил диплом, в котором моя квалификация значилась, как «референт-переводчик по Ирану» и довольно неожиданно для себя оказался не только на государственной службе, но и в Иране. Дело в том, что с выездом за рубеж в те годы было очень сложно, а в Иран – еще сложнее, поскольку отношения между нашими странами по ряду причин были напряженными, и иранцы весьма неохотно давали въездные визы. Мне же, еще во время учебы наш легендарный преподаватель Иосиф Иосифович Палюкайтис предложил поступить к нему в аспирантуру по специальности «экономика Ирана», на что я весьма охотно согласился. Учиться мне нравилось, я много времени проводил в библиотеках, читая все, что можно было достать по своей будущей специальности на русском, немецком и английском языках, которые я, стараниями моих родителей, знал практически еще с детских лет. В Ленинскую библиотеку в то время можно было записаться уже после второго курса, мне нравилось сидеть по вечерам за длинными столами во весь громадный зал «Пашкова дома», книги можно было заказывать накануне по телефону, так что времени на поиски и ожидания практически не тратилось..

Наш преподаватель географии и экономики И.И.Палюкайтис был родом из бедной литовской семьи (по его рассказам, у них дома спички раскалывали на две части из экономии), но он очень хорошо учился и был послан за казенный счет сперва в гимназию, которую он окончил с золотой медалью, а затем в Лазаревский институт, носивший тогда название «Институт живых и мертвых восточных языков для бедных армянских детей», который он закончил в 1913 г. После этого он работал несколько лет в Иране и хорошо его знал.

Кстати, несколько слов о Лазаревском институте. Он был создан на средства братьев Лазаревых, которые пожертвовали в начале XIX века громадную сумму - 300 тыс. рублей, и с разрешения императора построили дом в Армянском переулке, существующий и сейчас, в котором жили и учились первые студенты. Постепенно этот институт разрастался и в конце концов превратился в элитное учебное заведение, выпускавшее переводчиков и страноведов высокого класса – «драгоманов», как их тогда официально называли. Институт обладал собственной типографией с наборами различных восточных шрифтов, сам выпускал учебники и прочую литературу. После революции его закрыли, но М.Горький написал Ленину письмо, осуждавшее такие действия, и институт был снова открыт. Первым ректором вновь созданного Института востоковедения им. Н.Н.Нариманова при ЦИК СССР стал М. П. Павлович (М.Л.Вельтман) – один из основателей советской школы востоковедения, создатель новой Академии Генерального штаба и Ленинградского института живых восточных языков, председатель Российско-восточной торговой палаты.

За время советской власти институт сменил несколько названий (все, имени кого его называли, оказывались потом «врагами народа»), пока не превратился просто в Московский институт востоковедения, в котором преподавали лучшие специалисты того времени: академики Гордлевский, Конрад, Крачковский, Алексеев, членкор Бертельс, такие профессора, как Брегель, Беляев, Баранов, Оде-Васильева, Куницкий и многие другие (вечная им память и благодарность). Кроме министерства высшего образования институт курировал еще МИД, поэтому у нас была вполне приличная стипендия, и мы получали добавочную карточку, что в те времена было большим подспорьем, особенно для студентов, живших в общежитии в Алексеевке.

Правда, в 1954 г. институт снова закрыли, и теперь уже навсегда. В живых не оказалось ни Горького, ни Ленина, ни Павловича, а чиновникам было наплевать на подготовку кадров. Через пару лет министерство спохватилось и стало расширять подготовку востоковедов в МГУ, откуда, в конце концов, и отпочковался Институт стран Азии и Африки, расположенный в центре Москвы на Моховой в самом старом здании Московского университета. А по линии МИДа был создан Московский институт международных отношений (ныне также получивший статус университета).

Одновременно с аспирантурой мне предложили поехать по линии Госбанка в Иран для работы переводчиком в Русско-Иранском банке в Тегеране, однако предупредили, что вопрос с визой решается тяжело, и что возможно ждать надо будет долго. Я дал согласие на оформление в Иран, заполнил две громадные анкеты, где кроме всего прочего нужно было указать девичьи фамилии обеих бабушек, перечислить всех не только родных, но и двоюродных сестер и братьев (а если учесть, что в семье моего отца было 12 детей, а в семье моей матери 6, то понятно, сколько времени потребовалось на выяснение всех подробностей типа «если умер, то на каком кладбище похоронен») и стал готовиться к аспирантуре. И вот, в конце сентября, накануне того дня, когда нужно было сдавать первый экзамен в аспирантуру, мне позвонили из банка и сообщили, что разрешение на мой въезд в Иран получено, и я должен готовиться к отъезду. Растерявшись от этой неожиданности, я пошел к нашему декану А.М.Касаеву. Выслушав меня, он, не долго думая, сказал: «плюнь на аспирантуру, и езжай, а то знать ничего не будешь. Потом подумал, и добавил, а перед Палюкайтисом извинись, и скажи, что в аспирантуру поступишь, когда вернешься».

Александр Михайлович Касаев бы, в своем роде, тоже замечательным человеком. Он еще до войны учился в нашем институте на турецком отделении, был отправлен вместе с другими студентами на практику на строительство Большого ферганского канала в качестве информатора-пропагандиста. Как он впоследствии сам рассказывал, он попал в таджикскую бригаду, где с турецким языком нечего было делать. Тогда он «быстренько», как он говорил, выучил таджикский» и стал читать им газеты. Вернувшись в институт, он на 5 курсе выучил персидский, сдал госэкзамены по двум языкам и уехал в Тегеран в наше посольство переводчиком. Проработав там много лет, он выучил несколько иранских диалектов и по словам знакомых мне профессоров Тегеранского университета отличить его от настоящего перса можно было только по письменной речи, поскольку он иногда писал литературным языком высокого стиля, что в обиходе было мало принято.

Отношения между нашими странами в те годы были натянутыми, и МИД Ирана иногда месяцами не выдавал въездные визы даже дипломатам.

Вообще, выезд за границу в то время был довольно редким явлением, если не считать дипломатов, внешнеторговых работников и приравненных к ним специалистов. Большинство выпускников нашего института были вынуждены сами искать себе работу, многие начали преподавать западные языки в школах, некоторым, даже окончившим институт с красными дипломами, пришлось сменить специальность или даже пойти на то, чтобы поступить на заочное образование по другой специальности. Так что мне в этом смысле весьма крупно повезло, и судьба оказалась ко мне благосклонна, что, кстати, она продолжала делать и впоследствии, в течение моей довольно продолжительной жизни.

Первые впечатления о стране

В конце октября 1951 г. я сел в мягкий вагон поезда Москва-Баку и через три с половиной дня прибыл в столицу Азербайджана. В вагоне почти все ехали в Баку, кто к родственникам, кто в командировку. Помня о бдительности, о которой мне строго внушали в ЦК КПСС, где и знакомился с толстой инструкцией на тему «что там можно, что – нельзя», из которой мне больше всего запомнились наставления «ни во что не вмешиваться», и «ничему не удивляться», я тоже говорил, что еду к знакомым после демобилизации.

По приезде в Баку я на такси поехал в рекомендованную мне в Москве гостиницу Интурист, расположенную над городом в парке Кирова. Каково же было мое удивление, когда в вестибюле гостиницы я увидел практически всех, с кем ехал трое суток в одном вагоне. Все заполняли гостиничные анкеты, держа в руках, кто красные, общегражданские, кто синие, служебные, кто зеленые, дипломатические паспорта, а женщина-администратор громким голосом просила дипкурьеров подойти и оформить необходимые документы без очереди.

Утром нас привезли на пристань, где после прохождения всех таможенных и пограничных формальностей мы разместились в небольших каютах грузопассажирского парохода «Пионер», на котором нам суждено было идти к иранским берегам. Дул сильный ветер, нагоняя волну, темное море волновалось и наше небольшое суденышко сразу же после выхода из бухты стало валять с борта на борт. Большая часть пассажиров после обеда залегли в койки, из которых их не смогли выманить даже призывы к ужину. Дипкурьерам отнесли ужин в каюту, а за столом в кают-компании оказались мы вдвоем с капитаном, который после ужина стал учить меня играть в нарды. Остальные пассажиры с охами и ахами старались переносить капризы погоды и тяготы путешествия. Через сутки сквозь пелену дождя на горизонте стали проступать очертания горных цепей Альборза, и показался иранский берег – порт Пехлеви (получивший после революции 1979 г. свое первоначальное название

– Бандаре-Анзели). Волнение было таким, что капитан не решался в течение нескольких часов войти в узкую горловину, ведущую к причалу. Подошедшая шлюпка с трудом приняла на борт дипкурьеров, а остальным пассажирам оставалось только ждать и надеяться на улучшение погоды. Наконец ветер немного стих, корабль причалил, и мы очутились на иранском берегу. Встречавшие быстро разобрали приехавших, меня повез на извозчике к себе домой управляющий отделением нашего банка в Пехлеви. В воздухе висела какая-то сырость, то ли мелкий дождь, то ли туман. Люди ездили по улицам в наших дореволюционных колясках с поднятым верхом, которые назывались по местному «дорошке» (с ударением на конечную гласную, как это принято в персидском языке). Было много велосипедистов, крутивших педали под большими черными зонтами, редкие пешеходы в калошах и также с зонтиками спешили по своим делам по деревянным тротуарам немощеных улиц.

Квартира встретившего меня человека занимала второй этаж небольшого особняка, охраняемого полицией. Сам банк находился на первом этаже. Было уже около двух часов по местному времени. Спросив кассира, есть ли вопросы и все ли сделано, управляющий велел ему закрывать банк. В это время прибежала жена управляющего, которая работала на местной метеостанции. Накрывая на стол, и одновременно расспрашивая про жизнь в Москве, она сказала, что такая сырость у них уже больше десяти дней, улучшений погоды не предвидится, обувь из шкафа приходится просушивать перед огнем каждую неделю, а железные перья в ручках ржавеют, если ими не пользуются несколько дней. После обеда хозяйка ушла на работу, а меня уложили отдохнуть на громадную деревянную кровать. И тут я сам мог убедиться, насколько влажен воздух. Простыня, наволочка, пододеяльник были такими влажными, как будто их, не досушив, постелили на кровать. Такими же были полотенца в ванной, которыми я вытирался после душа.

Вечером мои гостеприимные хозяева повезли меня поужинать в ресторан в Гуриане, расположенном на другом берегу пехлевийского залива. Там я увидел большую часть приехавших со мной людей, с которыми я на следующий день, попрощавшись с милыми людьми, оказавшими мне такое гостеприимство, утром на автобусе отправился по горным дорогам через Рашт и Казвин в Тегеран. Путешествие по немощеной дороге по горам заняла около девяти часов, причем пограничный пост, где у нас придирчиво проверяли документы, оказался в Раште.

В Тегеране я попал в радушные объятия Председателя правления Русско-Иранского банка Александра Ивановича Амелина и его гостеприимной жены Александры Ивановны. Банк находился в то время в правом крыле старого, теперь уже не существующего здания нашего Торгпредства на улице Паменар, недалеко от городского крытого базара. За служебным зданием торгпредства в глубине сада было несколько одноэтажных жилых домов, где мне дали небольшую комнату, все убранство которой состояло из стенного шкафа-буфета, деревянной кровати-топчана с ватным матрацем, письменного стола, трех стульев и круглой железной печки, которая топилась опилками. Эта печь служила не только для обогрева комнаты, но и могла использоваться, как плита для приготовления еды. Обедал я в торгпредской столовой, а ужин готовил сам. Приходя после работы к себе в комнату, я приносил с собой вечернюю газету, ставил на плиту 4 кастрюльки от купленного судка, в которых варилась каша (обычно рис или голландский геркулес «Квакер», который продавался в консервных банках), сосиски, вода для чая и вода для мытья посуды, и пока все это готовилось, я читал газету. Поскольку я чувствовал пробелы в полученном образовании, я каждый день взял себе за правило, читать передовицу газеты вслух 25 раз, перекладывая на столе спички, чтобы не ошибиться. Перед этим я тщательно расставлял огласовки и эзафеты, уточнял значение слов по словарю Миллера, и после этого приступал к занятиям. Когда урок кончался, ужин был уже готов, и я мог располагать свободным временем по своему усмотрению. Обычно я выходил в город и ходил по определенным маршрутам, пользуясь полицейским справочником, которым мне подарил Джалил-заде – переводчик, работавший до меня в банке. Вообще-то он был не перс, а азербайджанец, и по его словам оказался в Иране случайно. Еще до войны, когда многие иранцы приходили работать на нефтяных промыслах Баку, его тетя вышла замуж за персидского подданного, и уехала с ним в Исфahan. Джалил-заде учился в строительном техникуме в Баку, и на летние каникулы поехал к тете, там он задержался, просрочил визу, вскоре началась война, и он навсегда остался в Иране, имея советский паспорт, с которым он каждые полгода ходил в местную полицию продлевать иранский вид на жительство. Вообще в Иране было много советских граждан попавших туда различными путями, все они считались иностранцами, их не брали на работу в некоторые иранские учреждения и многие старались устроиться работать в представительства советских организаций. Это было нам тоже удобно, поскольку они хорошо знали русский язык, и с ними можно было объясняться без переводчика. Русско-Иранский банк также использовал эту возможность, так как вся текущая

документация велась на русском языке, а на персидский переводилось только то, что нужно было представлять проверяющим из налогового управления Минфина Ирана, которые регулярно посещали нас в мае-июне, поскольку финансовый год у нас кончался так же, как у иранских учреждений – 21 марта. Тогда около недели я бывал занят с этими проверяющими, разыскивая нужные операции в русских документах и переводя их на персидский.

На территории торгпредства была пробурена глубокая скважина, дававшая в дома чистую воду. Дело в том, что водопровода в Тегеране в то время не было. Воду брали из уличных арыков, по которым она пускалась дважды в месяц по одному дню, или покупали у специальных водовозов, которые на одноколках, запряженных лошадью, в желтых бочках с номером развозили воду из городского каната, который назывался «шахским» и был расположен за зданием почты, рядом с площадью, которая раньше называлась «тупхане», а после исламской революции стала называться площадью «имама Хомейни». Бочки были устроены таким образом, что их наливали снизу через шланг, соединенный с бетонной трубой каната, откуда вода поступала под довольно сильным давлением. Это было сделано, чтобы водовозы не наливали в бочки арычную воду. Стоила такая вода полриала за ведро с доставкой на дом. С постоянных клиентов плата собиралась в конце месяца.¹

». На площади «тупхане» стояла конная статуя основателя династии Пехлеви – Реза Хана. В августе 1953 г. она была сброшена с высокого постамента, люди сидели на фигуре поверженного диктатора, и топтали его ногами. Статуя была поставлена на место через несколько дней после разгрома демократического движения, и простояла там до февраля 1979 г., когда в период исламской революции ее снова сбросили, и теперь уже навсегда.

На той же улице Паменар, где было расположено Торгпредство, (правильное название этой улицы было «пайе минар», т.е. подножие минарета) в небольшом домике со своей семьей жил председатель Меджлиса, лидер иранского духовенства аятолла Аболкасем Кашани Хосейни от которого каждый день к нам приходил слуга с двумя ведрами и просил воды «на чай для аятоллы». Один из разборных кранов нашего водопровода находился рядом с воротами, и аятолла снабжался чистой водой по первому требованию без каких-либо ограничений.

Кашани в 1918-20 гг принимал активное участие в борьбе против англичан в Ираке, был приговорен ими к смертной казни, перебрался в Иран, в 1942 г был интернирован англичанами, в 1946 был сослан в Кум – центр духовного образования Ирана, был сослан в Ливан по подозрению в организации покушения на шаха, в 1950 был заочно избран депутатом Меджлиса, а затем – его председателем.

Территория, которую занимало и до сих пор занимает Торгпредство, была когда-то городской окраиной, куда 11 февраля 1829 г. были выброшены тела сотрудников русской дипломатической миссии во главе с Грибоедовым. Впоследствии русские люди собрали деньги и выкупили эту территорию, где была сначала построена маленькая церковь, в потом обосновалось наше посольство. Территория же нынешнего посольства – участок площадью около 8 га в центре города, был получен царским правительством от Русско-Персидского банка, в котором его заложил один из богатых персидских сановников. Когда он умер, и дети разделили все наследство, ни у кого из них не хватило средств, чтобы погасить взятую ссуду и выкупить землю обратно, и по всем торговым законам, участок перешел во владение банка. Участок земли, занятый посольством, можно считать, наверное, самым хорошим участком в городе, поскольку масса старых деревьев, сосен и чинар, дают много тени, земля так не прогревается, как в городе, и на участке царит микроклимат. 50 лет назад в северо-западном углу был действующий канат, из которого вода выбивала фонтаном и расходилась по арыкам по всему участку и дальше шла в город. По рассказам старожил, этот канат имел протяженность до 16 км и был облицован камнем, что предохраняло его от засорения. Весь участок был покрыт зеленой травой, деревья оплетены лианами и от трех прудов веяло прохладой. Кроме дома с колоннами, доставшегося от старого хозяина, на территории был еще красивый гарем, а в правом дальнем углу от ворот располагались одноэтажные строения, где жили сотрудники, и только у посла был небольшой двухэтажный дом, в котором в период Тегеранской конференции жил Сталин. Сейчас вся территория производит далеко не самое приятное впечатление. Раньше за ней ухаживали несколько иранских садовников, газоны регулярно поливались, деревья подрезались, подсаживались новые, была масса цветов. В какое-то время всех садовников сократили, и сад остался

¹ Канатами называются подземные водосборные галереи, которые выводят собранную воду на поверхность. В Иране насчитывается до 25 тысяч таких галерей, некоторые имеют протяженность в десятки километров.

без присмотра, поскольку из Союза можно было прислать любое количество дипломатов, но никогда еще не присылали садовников.

Территория британского посольства, расположенная через улицу, также снабжалась водой из своего каната. Обнесенная высокой саманной стеной белого цвета, эта стена являлась прекрасным местом для антишахских и антиамериканских лозунгов, которые каждый день писали иранцы в ходе подготовки революции 1979 г. В 1951 же году, задний угол стены британского посольства, выходящий на улицу Надери и переулок, использовался населением в качестве общественного туалета, и стена была подмыта на полметра, несмотря на то, что над этим углом красовался написанный красивым почерком «насталик» большой плакат с просьбой «не мочиться в этом месте». Этот красивый плакат, вывешенный англичанами, служил своеобразным раздражителем для населения, и один вид его провоцировал их справлять нужду именно в этом месте, даже если для этого нужно было перейти через улицу (Вдоль этой стены английского посольства люди по понятной причине, особенно в жаркое время, старались не ходить, и шли по другой стороне улицы). Таким образом, местное население выражало свое отношение к англичанам за их стремление не выпускать из своих рук нефтяные богатства Ирана.

В бытность нашим послом Садчикова в левом углу посольской территории, где сейчас красуется 9-этажный дом, было летнее кино и две волейбольные площадки, на которых после обеда, когда жара немного спадала, обычно играли две, а то и три команды. Дело в том, что посол сам играл в волейбол, за нашу банковскую команду играла его супруга, ну, а все остальные волей-неволей должны были следовать заведенному обычаю. По указанию того же Садчикова был осушен правый пруд, который находился против гарема, которого сейчас уже нет, часть площади пруда мы углубили на субботниках, а затем там были сделаны большой и детский бассейны. На остальной же площади предполагалось сделать теннисный корт, а на откосах берегов – трибуны. По выходным дням на бассейн приходили дипломаты демократических стран, собиралось много народа, и было очень весело. Но при Садчикове работы не были закончены, сменивший его на посту Лаврентьев в волейбол не играл, площадки постепенно заросли бурьяном, а вместо корта была сделана волейбольная площадка, также мало используемая. Демократы перестали к нам ходить, стало тише и скучнее.

Не буду рассказывать, какое впечатление на меня произвел шумный город с центральными торговыми улицами Лалезар и Надери, магазинами, полными разных неизвестных мне товаров. По улицам проезжали редкие еще в то время автомобили, неторопливо проходили ишаки, груженые апельсинами, мандаринами, яблоками, виноградом, гранатами и еще Бог знает чем. Между ними сновали велосипеды – «Кадиллаки бедного человека», как их называли иранцы. Велосипеды в то время были едва ли не самым массовым видом транспорта в городе. Утром они нескончаемым потоком двигались в сторону большого базара, где была расположена основная часть торговых контор, к различным министерствам и ведомствам. Везде были платные стоянки для велосипедов, где сторожа за мелкую монету выдавали медный номерок. Утром школьники по двое или даже по трое (один пассажир на раме, второй – в седле а третий стоял сзади на специальных втулках, привинченных к задней оси) ехали в школу. Мне тоже выдали английский велосипед, на котором я ездил по делам. Можно было ездить и в автобусе, но они были всегда набиты людьми (мужчины входили с задней двери, женщины – с передней, причем салон автобуса был разделен железной трубой поперек), там было всегда жарко и душно, поэтому я тоже предпочитал велосипед..

Особенно красочное зрелище центральные улицы являли собой вечером, когда спадала жара, и люди выходили из домов, кто просто пройтись и подышать воздухом, кто по магазинам, а кто в кофейню, где можно было попить чай или кофе, почитать газеты, висевшие у двери на специальной деревянной стойке, и поиграть в шахматы или нарды. На улицах зажигали керосиновые калильные фонари фирмы «Примус», дававшие яркий белый свет. На каждом лотке, установленном на тротуаре вдоль улицы, стояла такая лампа, издававшая при горении небольшое шипение, вся улица была залита ярким светом, а продавцы, стараясь перекричать друг друга, предлагали свой товар.

И все это, проталкиваясь сквозь толпу, шумело, кричало, и всячески старалось обратить на себя внимание потенциальных покупателей. Это производило на приезжего человека ошеломляющее действие. Если вы заходили в магазин, хозяин и продавцы старались сделать все, чтобы вы ушли от них с покупкой, причем вас угощали чаем, перед вами разворачивали штуки разной материи, которая вам была совершенно не нужна, но о которой вы, по мнению продавцов, мечтали всю свою сознательную жизнь. Цену сперва объявляли фантастическую, затем ее постепенно сбавляли, причем вы могли уходить из магазина, вас тянули за рукав обратно, предлагая еще сбавить цену и продать

себе в убыток, только потому, что вы им понравились, вы хороший человек и разбираетесь в товаре, иначе бы вы к ним не пришли. И очень часто иностранцы, особенно в первое время, попадались на эту удочку и иногда покупали не очень нужные им вещи, причем по высокой, как потом оказывалось, цене. Но спорить с торговцами было бесполезно, они всегда улыбались, встречали вас, как родного, и очень часто это психологическое действие оказывало свое влияние.

Вечерами по центральным улицам, которыми в то время были Надери и Стамбули, фланировала молодежь, молодые ребята из богатых семей в костюмах с широкими галстуками, на которых были изображены ковбои, женщины и другие привлекательные картинки. Волосы у них были взбиты на различный манер, часто завиты и напомажены. Эта золотая молодежь развлекалась в основном тем, что незаметно приставали к одиноким женщинам. В те времена в Тегеране наряду с длинной чадрой, которая закрывала голову женщины и спускалась до земли, можно было увидеть довольно много европейски одетых женщин, в костюмах, или даже в коротких узких юбках и нейлоновых блузках. Чадру женщины обычно придерживали на уровне груди и в зубах, причем летом материал для покрывала использовали тонкий, светлых тонов, с мелким рисунком. На вольное обращение молодежи поступало много жалоб, и Мосаддек решил эту проблему одним указом. Патрулям, которые ходили по улицам города, и состояли из полицейского и вооруженного солдата была дана команда защищать обижаемых женщин, хотя и довольно оригинальным способом. Если на улице женщина обращалась за помощью к патрулю и указывала на обидчика, его хватали, и при всех тут же на месте выстригали полголовы большими овечьими ножницами, которые стали находиться на вооружении у армии. После этого обидчика отпускали домой. И нужно отметить эффективность предложенного способа борьбы с хулиганством. После того, как газеты опубликовали несколько снимков процесса необычной экзекуции, женщина могла чувствовать себя на улице спокойно.

Очень часто на этих же центральных улицах, обычно в районе турецкого посольства, можно было наблюдать и сцены другого характера. Обычно это были паниранисты или люди с газетой «сумка» - органом Национал-социалистической партии Ирана и представители левых партий. На газете национал-социалистов красовался орел с горизонтально развернутыми крыльями, смахивавший на свастику. Ходили они группами, впереди шел человек с газетой в высоко поднятых руках, и громким голосом выкрикивал название газеты и партии. За ним двигалась своеобразная «группа поддержки» из 10-15 человек, также выкрикивавшие лозунги. Если им навстречу попадались представители левых газет, на панели возникала потасовка. Я несколько раз наблюдал, как полиция безучастно стояла и смотрела, если верх одерживали национал-социалисты, но если народников было больше, полиция сразу же вмешивалась и хватала людей.

Нужно сказать, что влияние Германии в Иране было значительным еще с довоенной поры, и хотя во время войны все подозрительные элементы были интернированы, после войны, уже в начале 50-х гг началось возвращение немцев в Иран. При мне в Тегеране снова появились такие фирмы, как Сименс, Агфа, Фольксваген. Представители этих фирм старались арендовать те же дома, в которых они работали раньше, вешали на фасадах красочные названия фирмы, отыскивали старых знакомых и иранцев, учившихся в Германии до войны, приглашали их по выходным на просмотр кинофильмов на немецком, угощали пивом с сосисками, рассылали по адресам рекламную литературу, и через несколько месяцев создавалось впечатление, что они никуда и не уезжали. Денег, видимо, на рекламу не жалели. В Тегеране я впервые увидел магазин фирмы Фольксваген, где в двух громадных витринах стояли два сверкающих лаком автомобиля, и прохожие волей-неволей останавливались, особенно, если они шли с детьми, чтобы полюбоваться произведением немецких мастеров.

После двухнедельной стажировки у переводчика банка Джалил-заде, который ознакомил меня с моими новыми обязанностями, я начал самостоятельно работать, учился по ходу дела, пытался освоить то, что не мог получить в институте, особенно в области разговорного языка и письма, в частности - персидской скорописи, - почерка «шекасте – ломаного» который дает возможность писать со стенографической скоростью, но который для новичка весьма труден для понимания. С проблемой скорописи я столкнулся с первых же дней самостоятельной работы. Дело в том, что нам ежедневно приносили с тегеранского телеграфа по 10-15 телеграмм, в которых наши клиенты просили совершить те или иные финансовые операции. В мои обязанности входил перевод этих сообщений и передача их в бухгалтерию для исполнения. Делать это нужно было быстро, поскольку в то время в банках задержка операции на одни сутки считалась большим недостатком. Я был как-то на телеграфе и видел, как сообщения получают на длинные бумажные ленты. У нас в стране эти ленты резали на куски и приклеивали к бланку. В Тегеране же телеграфисты переписывали сообщения с этих лент под копирку на бланки, причем нам приносили не первый, а второй

экземпляр. А поскольку синяя копия, которой пользовались на телеграфе, бывала часть изношена или даже разорвана, копии получались иногда трудночитаемыми. Клиенты, же, экономя деньги, писали в телеграммах не все слова, и в результате получался такой кроссворд, который я решал иногда довольно долго. Мне приходилось сперва выписывать знакомые слова, а затем подбирать к ним соответствующее продолжение. Директор же стоял у меня над душой, и ждал результатов. Однажды он не выдержал и сказал; дорогой мой, сколько классов нужно кончить ребенку, чтобы он научился читать? Вы же учились 6 лет! Я честно ответил, Александр Васильевич, этого я не знаю, я пошел в школу, уже читая на двух языках. Но здесь пишут по-иному. Директор считал, что на телеграммах все написано ясно, синим по белому, и только поговорив с другими иранцами, он понял, что иногда и читать научиться не так легко. Иногда мне трудно было понять иранцев, говоривших не на общепринятом персидском, а с использованием слов какого-либо из многочисленных диалектов. Но, это были трудности, которые приходилось преодолевать, иногда обращаясь к работавшим в банке местным армянам, иногда – к персам, приходившим в банк.

В мои обязанности входила также перевозка денег из нашего банка в Национальный банк и наоборот. Там, где мы работали, не было достаточно надежного помещения для хранения больших сумм денег. В нашей кладовой стояла пара простых железных шкафов канцелярского типа, которые только с трудом можно было назвать сейфами, и когда к концу дня в банке собиралась крупная сумма денег, мы отвозили ее на наш счет в Национальном банке. Когда же клиенты брали крупные суммы, и денег могло не хватить до конца рабочего дня, мы снимали с нашего счета какую-то сумму и пополняли объем наличных в кассе. Поскольку среди советских сотрудников банка, командированных из СССР, я был единственным, кто мог объясняться с местными специалистами, обязанность возить деньги была возложена на меня. Я по договоренности с директором заказал на базаре специальный чемодан из немецкой фибры, куда входили пачки денег стоя, а сверх них еще ряд пачек лежа, с двумя хорошими замками, и кожаным футляром, В этот чемодан вмещалось до 2 миллионов риалов, что представляло собой довольно значительный вес. Садясь в машину с Колей, я располагался на заднем сиденье с чемоданом между ног, и, закрыв двери на предохранители, думал, как бы не попасть в какую-нибудь аварию. Правда, нужно отдать должное водителю, все годы моей работы в Тегеране у него никогда ничего не случалось, кроме одного случая, о котором я расскажу позже. Приехав в Национальный банк, я со двора шел прямо в кладовую, расположенную в подвале. Там стоял широкий длинный стол, а в комнате сидело человек 15 кассиров, пересчитывавших деньги. Поздоровавшись с дежурным, я давал ему ордер с наименованием нашего банка, указанием текущего счета и привезенной суммы. Он раскидывал привезенные мною пачки денег по столам счетчикам, а мне обычно говорил – поди полчаса погуляй, пока мы пересчитаем. Когда я первый раз вернулся в кладовую за распиской, кассир дал мне бумагу и сказал, что я привез на 100 риалов больше, чем указано в ордере. С этими словами он протянул мне банкноту. Приехав домой, я доложил директору, что в чемодане было больше, чем указано в ордере, и он велел мне сдать излишек в кассу. Через несколько дней я снова повез деньги в Национальный банк, и в чемодане снова оказались излишки, но на этот раз уже 500 риалов. Снова повторилась та же процедура, и я только потом понял, что директор меня проверял на честность. Возьми я излишек себе, ко мне нельзя было формально придаться; я получил у себя в банке миллион, и привез квитанцию на миллион, но в этом случае, это был бы конец моей карьеры.

Когда я приезжал с чеком получать деньги с нашего текущего счета, я шел прямо в бухгалтерию, здоровался с сотрудниками, и переходя от стола к столу, собирал нужные подписи и печати, которые у них были на пальцах, в виде кольца. Они их вечером сдавали, а утром, придя на работу, получали, и, таким образом, эти печати ни на минуту не оставались без хозяев. Поставив все подписи и печати, я вместе с курьером, который нес мой чек, спускался в кладовую, где мне выкладывали из шкафов нужную сумму, и говорили: распишись, что все правильно. Я мог бы пересчитывать полученные пачки, но это заняло бы несколько часов, а времени было, как всегда, в обрез. Хотя нужно отметить, что никогда никаких ошибок в работе банка не случалось.

В общем, началась моя трудовая деятельность, которая, к моему удовлетворению, продолжается до сих пор.

Я многому научился, общаясь с нашими клиентами, в основном купцами, которых я раньше представлял в лучшем случае по произведениям Островского. Это были трудолюбивые и грамотные люди, быстро принимавшие решения, и не упускающие свою выгоду. У меня был письменный стол, рядом стоял столик с персидской пишущей машинкой фирмы «Континенталь», на которой я печатал переводы всех писем, которые мы посылали из банка. Сами документы были всегда на русском

языке. Рядом со столом стоял большой старинный, доставшийся нам от учетно-ссудной конторы братьев Поляковых, кованый сундук с тремя секретными запорами, в котором хранились образцы подписей клиентов, которые я сравнивал и подписями на принесенных документах. Обладая хорошей зрительной памятью, я скоро помнил наизусть десятки номеров текущих счетов и подписей, которые принадлежали нашим клиентам. А клиенты у нас были разные, и некоторых я хорошо помню до сих пор.

Абдулла Могаддам, один из богатейших наших клиентов, вел обширную торговлю с СССР, а также с другими странами. Всегда точный в оплате ссуд, он несколько раз оказывал помощь банку, о чем стоит сказать особо. Один из наших клиентов, получивший кредит в сумму 100 тысяч, не сумел вовремя его погасить, а когда стали разбираться, то оказалось, что он обанкротился, а все его имущество (дом, загородный участок и др) принадлежит жене. Его можно было посадить в долговую тюрьму, но по иранским законам мы должны были его еще и кормить в этой тюрьме. Об этой неприятности, а она была действительно неприятной для нас, поскольку в Москве не допускали, что у банка могут быть какие-то убытки, какой бы доход он не приносил, в разговоре с Могаддамом упомянул директор. Могаддам сразу же откликнулся, и сказал, что он может помочь погасить долг разорившегося купца, но ему хотелось бы купить партию фанеры, которую должно ввезти торгпредство. Переговоры с торгпредом были короткие, он, как член правления банка, согласился продать всю партию Могаддаму, и тот незамедлительно внес деньги на счет банка, погасив, таким образом, задолженность. А на фанере, которую он продавал монопольно, я думаю, он еще и заработал.

Второй случай, связанный с Могаддамом, был из другой области. Как я уже говорил, отношения между нашими странами были натянутыми, иранцы с трудом выдавали нашим людям визы, даже дипломатам, а директора срочно вызывали в Москву по служебным делам. Консул сказал, что если он сделает выездную визу, то обратную ему сделать не удастся, и директор может прождать ее в Москве несколько месяцев (а паспорта у нас были красные, общегражданские). Об этой сложности директор, между прочим, упомянул в разговоре с Могаддамом. Тот подумал несколько минут, а потом спросил меня, смогу ли я приехать на следующий день с паспортом в большую чайхану на базаре к обеду, то-есть к 12 часам. Я ответил утвердительно, и Могаддам попросил директора дать мне его паспорт. На следующий день я приехал в чайхану, и когда нашел столик, за которым сидел Могаддам, увидел рядом с ним высокого молодого человека с усами и офицерской выправкой.. Поздоровавшись, мы стали есть плов, который был уже на столе, а после чая этот молодой человек попросил меня протянуть ему паспорт под столом, что я и сделал. Он убрал его в карман и сказал: завтра встречаемся здесь же в это же время. Вернувшись в банк, я доложил директору о произведенной операции, и когда на его вопрос, кто взял паспорт, я честно признался, что не знаю, с ним чуть не сделалось дурно. В те годы потерять советский паспорт за рубежом было равносильно политической смерти. Домой такой человек не смог бы попасть никогда. Нужно честно признаться, что ночь я спал плохо, и не думаю, что директор спал вообще. На следующий день он дал мне пачку денег, я приехал в чайхану пораньше, сел за тот же столик, и через несколько минут ко мне подсел вчерашний знакомый, который, поздоровавшись, протянул мне желтый бумажный конверт, вложенный в газету. Я с облегчением положил конверт в карман, и на вопрос, сколько я ему должен, увидел на его лице улыбку, и услышал, что это не стоит благодарности, и он рад был помочь знакомым Могаддама. Распрощавшись, я вернулся в банк, где меня с нетерпением ждал шеф. Открыв паспорт, мы увидели в нем не только выездную, но и въездную визу сроком на месяц. Когда директор сказал консулу, что он все таки едет в Москву, и что с визой все в порядке, тот не хотел верить, и несколько раз переспрашивал, так ли это.

Среди купцов, которые были нашими клиентами, было еще несколько интересных людей. Так, один из богатейших купцов, Абдуллахян, человек уже пожилой, поставлял в Союз свинцово-цинковую руду в обмен на хлопчатобумажные ткани. Ткани он закупал ежегодно 20-25 млн.метров, и жаловался мне, что ему присылают большие партии одной расцветки, а вот когда он ездил к Савве Морозову, тот делал ему мелкие партии и по рисункам, которые он ему привозил. По нашим данным Абдуллахян имел капитал около 300 миллионов, ему принадлежал ряд домов на одной улице, где арендовал квартиру наш кассир. Он мне рассказывал, что старик ежемесячно обходит всех жильцов, собирая арендную плату, которую он кладет на отдельный счет в банке, и в конце каждого года на эти деньги покупает следующий дом.

Одет он был всегда скромно, ходил в белых парусиновых туфлях-«гиве» со смятыми задниками, а воротник пиджака был обшит белой полоской, чтобы не пачкался. Деньги он приносил

обычно в матерчатом узелке. Сын его, был щеголем, ходил с широкими галстуками, золотым перстнем, ездил на открытом Понтиаке, но он появлялся у нас в банке редко. С этим Абдуллахяном также произошла интересная история. В Иране Меджлис выпускал «Официальную газету», которую мы выписывали, так как в ней публиковались все законы и постановления правительства, сообщения о создании новых и ликвидации разорившихся фирм, торговых знаках и другая полезная информация. В приложении к этой газете публиковались стенографические отчеты заседаний Меджлиса. Эти отчеты было очень интересно читать, поскольку это была живая речь, иногда со стихами, пословицами и поговорками, а также разными замечаниями депутатов в отношении выступавших, типа «осел», и тд. И вот, в одной из газет я прочитал, что оппозиционная партия вызвала на заседание министра финансов и попросила его ответить на вопрос: правда ли, что известный купец Абдуллахян, торгующий с Советским Союзом, заплатил подоходный налог в сумме 70 тысяч, хотя первоначально этот налог был подсчитан в сумме 11 миллионов. Министр финансов сказал, что при подсчете произошла ошибка. Тогда представитель оппозиции сказал, что он допускает возможность ошибки при подсчете, и вместо 11 миллионов могло быть 10, или 9, или 8, но не 70 же тысяч. Министр стоял на своем, и часовая дискуссия так ничем и не окончилась. А через несколько дней Абдуллахян пришел к нам в банк, и когда он пил чай за большим столом в операционном зале, а я вышел из-за стойки, и попросил его подписать какие-то документы, я спросил его: хаджи ага, а как окончилось дело с Минфином, о котором я читал в газете. Он улыбнулся и сказал, да все просто, я внес в налоговую инспекцию 70 тысяч и дал министру 3 миллиона, и дело было закрыто.

Одной из колоритнейших фигур среди наших клиентов был Грач Исаян, владелец пивного завода «Маджидийе» (в Тегеране в то время было три пивных завода, выпускавших продукцию в маленьких темных бутылках, которые продавались во всех магазинчиках, где торговали продуктами. Обычно там стояло 3-4 столика с табуретками, за прилавком был большой таз со льдом, в котором лежали бутылки, а на прилавке в целлофане были завернуты «сэндвичи», состоявшие из разрезанной половины французской балки с колбасой и соленым огурцом, или сыром. Покупатели садились за столик, пили, закусывали, и шли дальше своей дорогой. Когда я поинтересовался в Минфине, как уживается такая торговля с положением о сухом законе в стране, меня спросили, почему я покупаю это пиво. Я ответил, что по 16 риалов за бутылку. Так вот, был ответ, 11 риалов из них составляет акциз, а кто может отказаться от такого дохода? Вопрос был резонный, страна в те годы получала от нефти мало, самой богатой организацией была табачная монополия, и от лишних доходов никто не отказывался.

У Исаяна на фабрике в приемной его кабинета, из стены торчал кран, которым секретарша пользовалась каждый раз, когда к хозяину приходили люди. Я тоже несколько раз ездил к нему подписывать документы, и сперва не мог понять, как в кабинете сразу же оказывалась высокая кружка прохладного пива.

Запомнились мне и братья Назаретян, представители компании Иранрыба в Тегеране. Старший брат был обычно в магазине Компании, расположенном в рыбном пассажике на улице Надери. Старший брат был обычно в магазине, где работало несколько продавцов, а младший ходил по делам, в основном в Торгпредство и наш банк. Он окончил коммерческое училище в Москве до революции, писал красивым почерком через ять и твердый знак, с росчерками. Ходил он в галошах, которые обычно снимал в банке у входной двери, и если мне звонили из Торгпредства и спрашивали, где Назаретян, я мог ответить, что еще не ушел, поскольку галоши на месте. Когда он подходил к моему окошечку, я сразу определял это по запаху хорошего мужского одеколona а, иногда, и, коньяка. Самое интересное, что прожив много лет в Иране, он так и не научился писать по персидски. Когда ему нужно было что-то написать то, он обращался ко мне, и говорил: господин Ежов, напишите то-то и то-то, «я по ихнему писать не умею». А посещал банк часто, особенно весной. В это время на Каспийском море рыба шла на нерест в мелкие речки, впадавшие в море. Большинство рыб шло нереститься в Мургаб – большой залив недалеко от Анзели, где ее в горловине и вылавливали. Поскольку рыба была примерно одного размера, ее привозили на грузовиках навалом, и продавали штучно, останавливаясь на перекрестках. Стоила такая рыбина (кефаль, кутум) 10 риалов, выручку Назаретян примерно через день сдавал нам на счет Торгпредства. Обычно он приносил картонную коробку, где было 400-500 тысяч. Пачки были перевязаны нитками, обычно это были мелкие банкноты, пахнувшие рыбой, с прилипшей чешуей. Поскольку Назаретяну было некогда ждать окончания пересчета денег, он заполнял приходный ордер, и просил меня «урегулировать вопросы», если будет разница между документом и принесенными деньгами. Иногда, в какой-то

пачке не хватало банкнот, кассир говорил мне, и я добавлял свои, а по пути домой заходил в магазин и получал свои обратно. Видя хорошее отношение ко мне хозяина, продавцы тоже старались мне угодить. Когда я покупал рыбу (обычно это была селедка «залом», осетрина, килограмм которой стоил меньше, чем стандартный обед в нашей столовой, или соленая лососина), продавцы делали вид, что выбирают лучший товар, более свежий и т.д. Осетрину местное население не покупало, считая, что она несъедобна, так как у нее нет чешуи. Кутум, кефаль, сазан, судак – вот те породы, которые пользовались спросом. Но позже, после исламской революции, Хомейни сказал, что осетрину есть можно, поскольку у нее есть шипы, а это – та же чешуя.

Среди наших клиентов был и Микаэлян – владелец гастронома, расположенного рядом с посольским клубом. В то время это был небольшой магазинчик с двумя прилавками и двумя продавцами. Микаэлян, также, как и его соперник и вечный конкурент Арзуманян, были родом из Ростова, когда –то попали в Иран и занялись колбасным делом. Микаэлян снабжал продукцией нашу колонию, а Арзуманян – американцев и англичан. Хотя они и соперничали между собой, но стоило только появиться третьему фабриканту, как его тут же объединенными усилиями выдавливали из торговли. Когда я в первый раз зашел в магазин Микаэляна, я был приятно удивлен. На прилавках лежало много сортов колбасы, ценники были на трех языках – русском, персидском и армянском. Но самое приятное было читать не ценниках названия: окорок тамбовский, рулет ленинградский, буженина, колбаса Полтавская. Краковская, Чайная и т.д. В этом же магазине можно было купить говядину и свинину, а также заказать любое мясное блюдо, салат Оливье, который к намеченному сроку был красиво украшен на блюде, и т.д.

Сама «фабрика» была расположена во дворе этого дома, там варили ветчину, коптили окорока, делали колбасу. Идя навстречу нашим потребителям, магазин работал до тех пор, пока не заканчивался сеанс кино в нашем клубе, и выходившие люди, прежде чем рассестись по автобусам, забегали в магазин купить что-нибудь на завтрак.

Рядом с Микаэляном был маленький молочный магазин, где продавали молоко, сметану, творог, сыр и другие молочные продукты. Хозяин этого магазинчика был тоже армянин, и у него за прилавком иногда работала дочка, очень красивая яркая девушка. А в Посольстве был холостой бухгалтер, который после ревизии, которая была у него произведена, и которая нашла, что все в порядке, не вышел утром на работу. Поиски ни к чему не привели, и было выдвинуто предположение, что он перешел на Запад. Отыскать его не удалось, но выяснили, что он бежал с дочкой этого армянина. Всем членам советской колонии запретили ходить в этот магазин, и около года в него заходили только местные жители, но потом острота понемногу спала, вновь приехавшие об этом не знали, и торговля пошла своим чередом. Я тоже часто ходил за сметаной и мацони в этот магазин, и однажды спросил хозяина, где его дочь. Он улыбнулся и сказал, что молодые живут в Канаде у его родственников.

Через год я мог считать себя уже более или менее сносным переводчиком, мог переводить практически любые тексты и довольно бегло изъяснялся на персидском языке, знал наизусть довольно много классических стихов, пословиц и поговорок, что очень импонировало разговаривавшим со мной людям. Конечно, все это давалось повседневным трудом, без которого выучить язык невозможно.

Приближался новый, 1952 год. Директор попросил меня составлять список лиц, которые поздравляли его с праздником, чтобы, в свою очередь, поздравить их с Ноурузом в марте. На имя директора пришло более 350 поздравлений разного вида, от простых визитных карточек в маленьких конвертах, до красивых цветных открыток, корзин цветов и даже большой серебряной чеканной коробки с конфетами от Абдуллы Могаддама – одного из наших основных клиентов. Директор дал мне указание составить акт и поставить коробку на баланс, хотя она находилась у него на столике в кабинете. Мне он объяснил, что так никто не сможет придаться к нему, что он берет подарки. Интересно было наблюдать в эти предпраздничные дни за работой почты. Поскольку полагалось поздравить всех родственников, знакомых и нужных людей, то под почтовыми ящиками на улицах накапливались метровой высоты груды писем, в основном маленьких конвертов с визитками. Я тоже получил в первый свой праздник в Иране полсотни поздравления, и тоже завел себе тетрадь, где отмечал, кому я должен буду послать ответные поздравления с иранским новым годом.

Кроме поздравлений с Новым Годом, к нам в банк дружно пришли все те, кто оказывал нам какие-то услуги. Накануне праздника я имел удовольствие познакомиться с тремя почтальонами, тремя курьерами с телеграфа, мирабом местного значения, который пускал воду по арыкам на территорию Торгпредства, и еще с кем-то. Оказалось, что подобная церемония состоится каждый

праздник, наш или иранский, разницы между ними эти люди не делали. Самое удивительное для меня было, когда мы ехали домой с работы, на углу Фердоуси и Надери машина притормозила у постового, он остановил жестом все движение, подошел к нам, взял под козырек, а наш водитель по поручению шефа протянул ему двести риалов. Полицейский снова отдал нам честь, пропустил нашу машину, и стал дальше заниматься своими прямыми обязанностями. Однако, когда на следующий день утром мы ехали на работу, постовой, увидя нас издали, остановил поперечный поток машин и мы проехали без остановки. Так продолжалось несколько дней, но потом действие банкноты, видимо, стало ослабевать, и мы стали подчиняться общим правилам проезда перекрестков.

Новый Год практически вся советская колония отмечала вместе в Посольстве, в том самом зале, где проходила Тегеранская конференция, о чем свидетельствовали две большие мраморные доски, висевшие на лестнице бокового входа, с текстами на русском и персидском языках (доска с персидской надписью была разбита в период революции 1979 г. во время нападения так называемых «афганских моджахедов» на посольство, а потом зачем-то была снята и доска с русской надписью)

Буквой Ш стояли столы, женщины приготовили массу разной еды, были всяческие напитки, от шампанского до местной минеральной воды «Аболи». На вечер собирали по 200 риалов, и когда кто-то из профкома обратился ко мне по этому вопросу, я по простоте душевной сказал, что поскольку я никого еще не знаю, я наверное останусь дома и никуда не пойду. Мой ответ дошел до шефа, он позвал меня и сказал: «Слушай, и запомни на всю жизнь. Если ты не дашь деньги на вечер, пойдет слух, что ты откалываешься от коллектива, а это нехорошо. Если ты внесешь эти деньги, от чего не обеднеешь, и через десять минут после начала уйдешь с вечера, никто о тебе не вспомнит, и ты можешь спокойно читать дома газеты». Этот совет я помнил всегда, когда вставал вопрос о разных коллективных мероприятиях со сбором средств.

Новый год в Тегеране выдался холодным, по началу столбик термометра опускался до 5-7 мороза, хотя днем это и не чувствовалось. На некоторых улицах стояли железные бочки, в которых горел огонь, и вокруг собирались нищие, которых в то время в Тегеране был тьма тьмущая. Когда в Тегеран приезжали новые специалисты из СССР, то на первой беседе в консульстве их просили твердо запомнить две вещи – ничего не носить в руках по городу, и ничего не давать нищим, которые были в каждом квартале центральных улиц. Иностранцы ничего не носили в руках, поскольку у них были слуги, богатые иранцы – тоже. Если, к примеру, иностранец выходил из магазина даже с небольшим пакетом, к нему сразу же подъезжало такси (в то время это были английские Ваксхоллы с белой крышей и белыми крыльями). Если вы не сядились в эту машину и жестом давали это понять, она уезжала, но ее место занимала следующая, причем эти такси еще гудели без остановки. Обычно дело оканчивалось тем, что иностранец садился в машину и ехал домой. В дуكانах даже маленькие пакеты не давали в руки, обычно мальчик провожал вас на улицу, и если у вас не было своей машины, куда он мог положить покупку и получить чаевые, он свистел, и такси вырастало, как из под земли. Стоимость поездки по городу была фиксированной – 10 риалов с одного человека, и 15 – с двух или трех, независимо от расстояния (правда, город в те годы был гораздо меньше, чем сейчас).

С нищими дело обстояло серьезнее. В те годы в каждом квартале сидел постоянный нищий, очень часто это были женщины с маленькими детьми, которые спали на каких-то тряпках на панели. Как нам говорили, детям давали настоку опиума, они могли часами спать в любом месте. Иногда этих детей брали из бедных семей из деревень. Один вид этих детей уже вызывал сострадание, и душа не выдерживала. Сразу же рядом появлялся другой нищий, который уже не просил, а требовал от вас дани. И если вы ему что-нибудь давали, он провожал вас до угла и наверное подавал условный знак следующему, так как на другой стороне улицы вас брали за рукав и уже настойчиво просили денег. И так эта цепочка могла идти по всей улице. Когда мы переехали в новый дом, однажды утром, когда мы рассаживались по машинам, к двери подошел нищий. Погода стояла холодная, дул ветер, а он был одет в джутовый мешок, в котором сверху было прорезано три отверстия для головы и рук, подпоясанный веревкой. Мешок спускался немного ниже его колен, дальше были видны посиневшие ноги с грязными ступнями. Голова его была выбрита наголо, и были видны вздувшиеся синие вены. Шеф не выдержал, полез в карман и дал ему мелкую банкноту. И все три года, что я прожил в этом доме, этот нищий как на работу приходил каждое утро и настойчиво требовал своего. Правительство пробовало бороться с нищими, их собирали, вывозили из города, но через пару недель все возвращалось на круги своя, и жизнь продолжалась. Интересно, что эти нищие, очень редко просили подаяние у местных жителей, у которых был, видимо, выработан определенный иммунитет. Наши же люди, еще живо помнившие войну и последовавшие за этим тяжелые для страны годы, были более

сердобольными. И хотя в газетах иногда появлялись сообщения о нищих, у которых после смерти находили сотни тысяч, сострадание брало верх.

В начале 1952 г. банку разрешили снять жилой дом для сотрудников, поскольку наше присутствие на территории торгпредства чем-то не устраивало коллег. Поиски дома продолжались недолго, нам предложили хороший двухэтажный особняк на улице «сефарате ферансе» немного дальше итальянской церкви и французского посольства (после революции эта улица стала называться «нувель лё шато» по имени улицы, на которой Хомейни жил во время пребывания в Париже). Там было два одинаковых особняка, принадлежавших одному из руководителей министерства сельского хозяйства Ирана, с небольшими, но хорошими садиками. Один особняк, угловой, арендовал представитель Ватикана, и над воротами всегда развевался флаг с тиарой и ключами от рая, а другой сняли мы. Хозяин попросил заплатить ему вперед за два года, это вызвало неудовольствие Москвы, но в конце-концов он получил нужную сумму, взял в министерстве отпуск и уехал с семьей в США на несколько месяцев. Дом был пустой, нужно было покупать обстановку, и эта работа легла на плечи меня и нашего инкассатора, советского подданного Миши Сумбатова, который знал несколько языков и свободно на них объяснялся. Его отец был грузином, в начале первой мировой войны он не захотел идти в армию, перешел русско-иранскую границу, что ему обошлось как он мне рассказывал, по 15 копеек серебром, и остался навсегда в Иране. Он женился, в семье было двое детей Михаил и старшая сестра, вышедшая впоследствии замуж за алжирца.

По выходным мы с Мишей начинали обход базара, узнавая цены на мебель, материал для штор, на «хасиры» - тростниковые занавески для защиты от солнца, железные печки для комнат, фурнитуру и т.д. Все эти расходы были предусмотрены имевшейся сметой, и постепенно дом наполнялся различными предметами обихода. Единственный открытый вопрос был – что постелить на полы. Дело в том, что во всех комнатах только вдоль стен были проложены дорожки из мраморных плиток, а середина помещения была покрыта известковым раствором, который здорово пылил при ходьбе. Нужны были ковры, но денег на такую роскошь нам конечно никто бы не выделил. И тут нашему шефу пришла в голову гениальная идея. У нас в банке было несколько хороших ковров, полученных в оплату просроченных долгов, и среди них громадный ковер очень хорошего качества, который мы не могли нигде постелить из-за его величины. Он лежал в подвале, каждый несколько месяцев двое или трое вытаскивали его на воздух, проветривали и вносили обратно. А Садчиков попросил этот ковер для своей приемной, и директор отдал его, но все беспокоился, не прольют ли не него чернил и не испортят ли его другим способом. Ковер числился у нас на балансе, и стоил сто тысяч (для примера, я получал ежемесячно 800) А в это время, как я уже говорил, отношения между нашими странами были весьма натянутыми, и иранское правительство старалось сократить наше влияние в стране. В разных городах закрывались консульства и культурные представительства, и наиболее ценное имущество свозилось в Тегеран. В Посольстве, в правом углу у забора на асфальте лежала масса ковров, сложенных кубиками, чтобы были видны инвентарные номера. Вот директор и предложил послу обменять наш большой ковер на несколько маленьких, из вновь привезенных, на такую же балансовую сумму. Посол согласился, я был направлен в ковровое общество, расположенное против английского посольства, с просьбой прислать хорошего оценщика ковров. Когда я обратился к кому-то из служащих компании с таким вопросом, меня отправили в подвал, где сортировали и складывали ковры. Там сидел очень пожилой человек, как оказалось впоследствии, грузин по национальности, который считался лучшим ковровым оценщиком фирмы. Мы договорились встретиться на следующий день у ворот посольства в обеденный перерыв, и в назначенное время оценщик, завхоз посольства и я прошли в приемную посла, где находился наш ковер. Оценщик внимательно на него посмотрел, и спросил у меня, вы приобрели его у такого-то? Я не знал этого, и он нам объяснил, что этот ковер ткали для иранского посольства в Вашингтоне, но иранскому послу он не понравился, его отправили обратно, и выставили на продажу. Человек, купивший его, разорился, и ковер таким образом попал в банк. После этого объяснения мы пошли на двор, где лежали ковры, свезенные в Тегеран. Оценщик, не нагибаясь, начал нам говорить «ковер табриз, побит молью, стирал два раза, стоимость квадратного фута такая-то, ковер исфahanский, побит молью, стирал один раз, стоимость такая-то, и т.д.». Когда он сказал так три раза, я набрался нахальства и спросил его, как он это определяет. В ответ он прочитал нам целую лекцию об иранских коврах, в каких районах их изготавливают какие рисунки ткнут, как их называют, и т.д., а заодно сказал, что он в ковровом деле работает около 70 лет, его мальчиком украли из Грузии и он попал в ковровую мастерскую, где долгое время сам ткал ковры, потом делал рисунки, и изучал ковровое дело в стране. Мы узнали, что моль не проедает дырки в ковре, как в материале, а делает бороздку на

нижней стороне ковра, ослабляя узелки; что при мытье ковров различные партии выкрашенной пряжи по-разному реагируют на воду и много другое. В конце концов, не взяв с нас никаких денег, он ушел, а мы с завхозом стали подсчитывать стоимость отобранных мной ковров, чтобы также получилось сто тысяч. После долгих подсчетов и споров, мы смогли представить начальству расчет, по которому банк получал за свой большой ковер 25 ковров и дорожек разного размера. Протокол о передаче был подписан, и мы стали расстилать ковры по 10 комнатам и лестнице на второй этаж. Ковры нам попались разные, например, в моей комнате площадью 27 кв.м лежал ковер 6х4, закрывавший почти весь пол. Проблема была только в том, что известковая пыль проходила через него, и никаким пылесосом его нельзя было вычистить. Поговорив с нашим обслуживающим персоналом — азербайджанцем советского подданства тоже Мишей, который получил в доме квартиру в полуподвале с женой и тремя детьми, я поехал на базар, купил пакет клея, который назывался «шриш», развел его в ведре с водой, намазал всю известковую площадь комнаты и заклеил ее старыми газетами, которых у меня было изобилие, так как мы выписывали две газеты, утреннюю и вечернюю, а читать их мог только я один. Когда газеты высохли, я наклеил на них второй слой, и с пылью было покончено. Постепенно то же самое было сделано и в других комнатах. Нанятый по рекомендации консульства наш Миша исполнял обязанности стороже, садовника, шофера и уборщика, который зимой чистил и набивал опилками наши печи, который зимой были в каждой комнате. Опилки мы покупали на весь дом большой грузовик. Их привозили в двухметровых мешках и ссыпали к нам в подвал, где для этого было отведена специальная комната. Керосиновых печей в то время в Тегеране еще не было, если не считать английских керосинок с высоким, см.80 тубусом, которые обычно стояли в дуكانах, на них кипятили чайники, и они могла обогревать небольшие помещения.

Кроме Миши у нас работал еще водителем Коля Струков, также имевший советское гражданство. Он через несколько лет уехал в Союз, окончил институт и работал инженером.

У банка было две машины: Форд, очень похожий на нашу Победу (или наоборот) и ЗИМ для директора. ЗИМ был хорош зимой, но когда мы летом ездили в Зарганде, поднимаясь в горы при температуре 40-45 градусов, он начинал кипеть и приходилось останавливаться посреди дороги и открывать капот, вежливо отвечая на вопросы участливых проезжавших мимо, что у нас все в порядке.

На этих машинах мы ежедневно ездили из нашего нового дома в Торгпредство, где работал банк, пока он не переехал в новый дом в районе базара, но это было уже после меня. Послу в это время прислали ЗИС-110, но на машине почему-то крыша была не ровной, а волнистой, и на черном автомобиле это было очень заметно. Пришлось отдать этот ЗИС в местную мастерскую, где армяне довольно быстро исправили фабричный недостаток.

В новом доме мне выделили угловую комнату на втором этаже, одно окно которой выходило на восток, а два других — на юг, в сад. Потолки были около 4 метров, а окна спускались почти до пола, так что света было достаточно. Но за счет своего положения в комнате, особенно летом, было более, чем достаточно тепла. Хотя стены нашего дома имели толщину сантиметров 60, солнце так нагревало их, что за ночь они не успевали остыть. Утром в окно на востоке я мог любоваться видом самой высокой горы Ирана — Демавандом, снежная шапка которого поднималась в голубом небе над крышами окружающих домов и серой полоской пыли. Уходя утром на работу, я спускал тростниковые хаиры, которые висели на наружной стене, закрывал наглухо рамы и задергивал тяжелые шторы, чтобы солнце днем не так легко проникало в комнату. Но борьба была неравной. Солнце весь день грело мои стены и они так нагревались, что утром в комнате было иногда больше тридцати градусов. Спать было тяжело, свежий воздух с улицы почти не освежал помещение, а о кондиционерах мы тогда еще не имели представления. Даже электрического холодильника в доме не было, хотя стояло что-то вроде нашего кухонного стола с двумя дверцами. Внутри эти ящики были обиты железом, а в центре стола находился узкий металлический ящик, куда ежедневно набивали лед. Этот лед, в виде длинного бруска, завернутого в мешковину, привозили на ишаке с расположенной недалеко фабрики. Миша этот брусок колот на мелкие куски и клал в средний ящик стола, где он постепенно таял, охлаждая соседние отделения. Воду из центрального ящика со льдом можно было сливать через кран, и мы использовали ее в качестве питьевой. В комнатах стояли также большие кувшины из необожженной глины на поддонах. Вода в этих кувшинах постепенно просачивалась через стенки и испарялась, отнимая тепло у кувшина. Конечно, это был не холодильник, но вода в кувшине всегда была градусов на 10-12 холоднее, чем воздух в комнате, и при питье это доставляло какое-то удовольствие.

Летом 1952 г ко мне приехала жена, окончившая Институт им. Гнесиных по классу рояля. Поскольку у нее кончалась виза, ей пришлось срочно сдать госэкзамены и лететь в Баку самолетом. На иранский берег с корабля ее выпустили, но на следующий день, когда они тронулись в путь и доехали до Рашта, оказалось, что въездная виза у нее кончилась накануне, что вызвало длительную остановку, звонки пограничников в Тегеран и т.д. Поскольку в автобусе не было никого, кто мог бы поговорить с пограничниками по-персидски, все эти часы ожидания протекали в гадании, что происходит. Наконец из Тегерана было получено добро, и автобус с опозданием в несколько часов отправился в путь, а в Тегеране все встречавшие своих близких, уже стали тревожиться, так как на этой дороге нередки были аварии, как из-за плохого состояния дорожного полотна, так и из-за лихачества водителей. Но все обошлось и все прибыли целыми и невредимыми. У нас было жарка, был Рамазан, когда мусульмане днем постятся, не едят, не пьют, не курят и соблюдают еще несколько правил. А в Москве это время было холодным и дождливым. Быстрый переезд из одного климата в другой жена переносила тяжело, ей все время хотелось пить, а в городе днем нигде нельзя было найти даже воды. На наше счастье, у меня к этому времени появилось довольно много знакомых купцов, среди которых были русские и армяне, поэтому мы могли зайти в такой магазин, и если никого не было, попросить хозяина попить. Он обычно приглашал в заднюю комнату, где на керосиновой печке всегда стоял чайник с водой, и где можно было спокойно попить, не опасаясь нарушить закон.

Во время Рамазана по улицам города ходили многочисленные группы иранцев, оплакивавших гибель внука пророка – Хусейна под Кербелой. Они шли колоннами, везде слышались траурные печальные песнопения, некоторые били себя цепями, обычно на каждый третий шаг, нанося удары то по правой, то по левой стороне спины. В экстазе люди избивали себя до крови, а самые рьяные последователи традиций били себя по лбу кинжалами и прокалывали кожу железными спицами. По рассказам сторожил, в старые времена богатые люди нанимали специальные трупы, которые несколько дней подряд изображали все события тех давних лет, когда войско багдадского халифа окружило караван Хусейна с семьей и сопровождавшими его лицами загнали их в пещеру, и не давали им выйти даже за водой.

Правда, мне рассказывали, что богатые люди, не имевшие возможности или желания участвовать в траурных обрядах, нанимали вместо себя бедняков, которые получали за день три-пять туманов, обед и баню. Не знаю, насколько это соответствовало действительности, но колонны людей, ходивших по улицам в траурные дни, на первый взгляд состояли из людей низших классов. К концу 70-х гг соблюдение этих традиций стало постепенно ослабевать но исламская революция, во главе которой стояло духовенство, вызвала мощный подъем религиозной активности, и в траурных церемониях стали участвовать только в Тегеране до полутора-двух миллионов человек. По улицам часами проходили отряды мальчиков, хлеставших себя веревками, мужчин постарше и седобородых людей с цепями. Во всех мечетях устраивались траурные церемонии, на которых излагали историю гибели Хусейна, и выступали профессиональные чтецы. В 70-е годы такого религиозного рвения уже не было, пока не начались события, закончившиеся победой исламской революции в феврале 1979 года. Духовенство страны как будто обрело новую силу. Антишахские и антиамериканские настроения искусно использовались для возрождения утраченных позиций. На стадионе университета и прилегающих к нему улицах собиралось до полутора миллиона человек, и по телевизору показывали, как сидевшие рядами мужчины рыдали горькими слезами, оплакивая гибель внука пророка.

Мою жену, также как и меня, сразу же вовлекли в общественно-культурную жизнь нашей колонии – в самодеятельность. Я пел в хоре, играл в драмкружке, вместе с одним из посольских секретарей исполнял дуэт матросов из оперетты «Вольный ветер» с танцами, жена играла сама и аккомпанировала всем, кто хотел и мог выступить на нашей клубной сцене. Здание клуба, расположенное рядом с посольством, никогда не пустовало. Там работали кружки, в которых были заняты советские работники и их семьи, а через день в клубе работали кружки из местных советских граждан, которые наравне с нами участвовали в праздничных мероприятиях. Кроме того, в клубе показывали наши советские фильмы, правда, шли они с большим опозданием. В клубе работала столовая а по вечерам – буфет которым заведовал иранец с советским паспортом, который до войны жил с женой и дочкой в Одессе, во время эвакуации в Ростове у него обнаружили какие-то неточности в документах, и выслали в Иран, а жену с дочкой отправили дальше.

Об одном еще более интересном случае я узнал в следующем году, когда мы поехали зимой на гору Аболи, где в то время зарождался горнолыжный центр. Дело в том, что шах Мохаммад Реза

любил кататься на лыжах и регулярно выезжал в горы. Подъемников тогда еще не было, лыжи приходилось нести наверх на себе, но съехав с горы, вы могли посидеть у подножья в одной из теплых палаток, где были установлены дровяные печи, попить чая или поесть шашлыка, испеченного при вас на углях.

У нас с женой лыж не было, но мы взяли напрокат большие сани и катались на них, хотя без подъемника было довольно мучительно затащить их наверх. Была хорошая погода, светило яркое солнце, чистый снег блестел, на дальних хребтах Альборза лежали фиолетовые тени, все было, как на картинах Рериха. Мы стояли наверху, переводя дух после подъема, когда к нам лихо подвернул молодой загорелый человек с черными, как вороново крыло курчавыми волосами, на лыжах в хорошем костюме, и поздоровавшись по-персидски, вдруг спросил «вы русские?»

Отрицать этот факт было бы бессмысленно, но у меня екнуло сердце, поскольку нам перед командировкой неоднократно внушали, что западные спецслужбы пользуются любым предлогом, чтобы завлечь в свои сети советского человека. А молодой человек продолжал нас спрашивать, откуда мы, давно ли приехали и т.д. Узнав, что мы ленинградцы, он обрадовано сказал, что он тоже из Кавголова (гористая местность под Санкт Петербургом, которая славится своими горнолыжными трассами), окончил Институт физкультуры им. Лесгофта, и имеет звание мастер спорта по лыжам. Его отец, айсор по национальности (а большинство айсоров-христиан Ирана в свое время были русскими подданными) когда-то перебрался в Россию, женился, вырастил двух сыновей и умер перед войной. Когда же началась война, братьев выслали в Иран, где они довольно долго не могли найти работу, поскольку не знали языка. Но один раз случайно кто-то узнал, что старший катается на лыжах, и устроил его тренером в лыжный клуб, Тренируясь на склонах Аболи, он попал на глаза шаху, который познакомился с ним и взял тренером. Так что теперь, сказал наш новый знакомый, жить можно. Дважды в неделю он занимается с величеством, а остальное время работает в клубе.

Встреча с шахом

Шаха Ирана, Мохаммада Резу, мы на горах не встретили ни разу, но мне пришлось видеть его на открытии частного Торгового банка Ирана, который организован Таджаддод, который впоследствии был назначен сенатором, так же, как и его сын. На открытие банка были разосланы специальные приглашения очень многим, в том числе и руководителям банков. Мой шеф, который не говорил ни каком языке, кроме русского, не мог поехать один, и мне нужно было его сопровождать. Мы приехали на улицу Саади, поднялись на второй этаж, где в большом зале уже собралось много народа. Все стояли по стенкам в несколько рядов, напротив входа на стене висел портрет шаха в полный рост в военной форме, по краям висели ковры и стояли вазоны с цветами. Рядом был микрофон и группа руководства во главе с Таджаддодом. Мы скромно остановились у входа, и когда минут через десять в зал вошел шах, он сделал несколько шагов и остановился рядом с нами. Микрофон быстро перенесли на новое место, Таджаддод приветствовал его, потом выступил министр финансов, говоривший о роли банков в Иране и отдававший дань благодарности руководству Торгового банка за их инициативу, потом шах поздравил руководителей нового банка, также сказал несколько слов о роли банков в экономической жизни страны, и на этом торжественная часть была завершена. Пока все говорили, я хорошо рассмотрел величество, он был в серых брюках в полоску и визитке, черных замшевых туфлях, голова его уже начинала серебриться от седины. Говорил он тихим голосом, но в зале стояла такая тишина, что полет мухи показался бы шумом от автомобиля.

После торжественной части все перешли в соседний зал, где на столах лежали метровые осетры, стояли вазы с фруктами, горками были наложены шампуры с шашлыком, источали пар блюда с разными сортами душистого плова. Шах еще поговорил несколько минут с хозяином, министром финансов и несколькими пожилыми людьми, и уехал, а оставшиеся гости приступили к уничтожению всего поданного на столы.

Шаха я еще пару раз видел на улице, когда он проезжал на открытие сессии Меджлиса. Впереди и сзади ехали конные сотни, между ними двигался старый комфортабельный Рольс-Ройс с открытым передним сидением, на котором кроме водителя находился еще адъютант шаха. Сам шах сидел на заднем сиденье и изредка помахивал рукой, смотря на толпы народа, стоявшего по краям улицы, держа руки впереди себя. Если у кого-то рука была в кармане или за спиной, откуда-то появлялся человек в штатском и наводил порядок. За машиной бежало человек 25-30 молодых людей, которые периодически выкрикивали приветственные лозунги. Все они были в костюмах, но, как писала одна левая газета на следующий день, изображавшие верноподданный народ люди почему-то все были в армейских ботинках.

Нацистский преступник в Тегеране

С Таджаддодом в следующий раз мы встретились совершенно неожиданно. Дело в том, что Иран в этот период испытывал большие трудности с получением валюты, англичане не покупали нефть, денег в казне не было, экономика не могла развиваться. Однако, несмотря на все трудности, идеи национализации оказывали сильное влияние на все слои общества.

Таджаддод был женат на немке, кажется из Дюссельдорфа, и пользуясь ее связями, он пригласил для консультации крупнейшего финансиста Германии – Ялмара Шахта, который был несколько раз президентом Рейхсбанка между двумя мировыми войнами, и министром экономики, и сумел привлечь на сторону Гитлера крупнейших немецких промышленников. Шахт сделал много для вооружения Германии. В 1944 г его арестовали по подозрению в участии в заговоре против Гитлера, он просидел несколько лет в лагерях, но остался жив, был захвачен американцами, попал на Нюрнбергский процесс, но был оправдан и отпущен на свободы в сентябре 1948 г.

Шахт прилетел в Иран как частное лицо, и никто об этом не знал, в газетах ничего не писали. Он около недели жил в Тегеране, видимо, знакомился с положением в стране, и давал какие-то советы пригласившему его хозяину, а накануне отлета из Ирана Таджаддод устроил прием в честь своего гостя, разослав пригласительные билеты директорам банков, существовавших тогда в Иране. Мой шеф также получил приглашение, посоветовался с посольством, и после обеда мы поехали в дом Таджаддода. Это был большой двухэтажный особняк, стоявший в саду, с красивым фасадом. Из большого холла, в котором били с тихим журчанием фонтанчики, а пол был выложен разноцветным мрамором, широкая лестница вела наверх, в жилые помещения. На первом этаже было расположено несколько парадных комнат с хорошей мебелью, картинами на стенах, красивыми коврами на полу. Когда мы вошли в дом, практически все гости уже собрались, и стояли в боковой комнате, где слуга разносил напитки. Таджаддод подошел к нам, поздоровался и, повернувшись к невысокому человеку, который шел за ним, сказал: познакомьтесь, это Ялмар Шахт. Шеф пожал протянутую ему руку, а у меня перехватило дыхание – дать руку германскому военному преступнику? Шахт же тем временем протягивал мне руку и что-то говорил по-немецки, на что я машинально по-немецки и ответил. Он спросил меня еще что-то, я тоже ответил, и почувствовал себя лучше. После ужина, который был сервирован в столовой, и на котором присутствовала кроме гостей жена хозяина, его взрослые сын и дочь, Шахт подошел ко мне и стал спрашивать, где я учился, откуда знаю немецкий и т.д. Я сказал ему, что воевал против Германии, он засмеялся, и ответил, что он хоть и не воевал, но войну представляет себе хорошо. Рассказал, что при Гитлере его посадили в лагерь, и он не надеялся выйти из него живым, но, видимо, какой-то святой покровительствует ему, потому что он все еще жив и здоров. К сожалению, мне не удалось много пообщаться с Шахтом, поскольку к нему все время обращались собравшиеся в доме директора банков. Домой я ехал с каким-то двойственным чувством. Шахт казался мне вполне нормальным человеком, но отзвуки прошедших лет все еще давали себя знать.

Самое интересное было через день, когда Шахт должен был улетать из Тегерана. Корреспонденты узнали о его приезде, и на аэродроме состоялась стихийная пресс-конференция. Задавали много вопросов, и он по возможности на них отвечал, но когда ему задали вопрос, что нужно делать, чтобы вывести Иран из тяжелого финансового кризиса, Шахт коротко ответил: вам следует распустить армию. Сразу же последовал шквал возражений, основным из которых была мысль, что Ирану нужна армия для защиты страны. Шахи тогда сказал: «сохраните полицию для обеспечения порядка внутри страны, сохраните жандармерию, которая охраняет границы, а армия вам не нужна. С какой бы стороны на вас не напали, вы продержитесь двадцать минут». Это вызвало волну недовольства, но самолет был уже готов к вылету, Шахт поднялся на борт вместе с другими пассажирами, и покинул иранцев, оскорбленных в своих лучших чувствах. Сегодня может быть не всем понятен этот разговор, но дело в том, что в иранцах еще жили воспоминания о 1941 годе, когда английские войска с юга и советские с севера в течение нескольких дней без единого выстрела заняли всю территорию Ирана, а правящего монарха лишили трона и сослали в ЮАР. И напоминать об этом было со стороны Шахта по крайней мере нелюбезно, о чем и писали на следующий день газеты.

Англичане – вон из страны

После национализации нефти иранцы начали планомерно выживать из финансовой сферы крупнейший «Британский банк в Иране и на Среднем Востоке», основанный еще в конце 19 в, и долгое время бывший основным орудием финансовой политики Великобритании в Иране. Этот банк пользовался большой популярностью, имел много филиалов по стране и широкую клиентуру. Иранцы доверяли ему больше, чем местным банкам. По степени доверия населения такой же популярностью пользовался наш Русско-Иранский банк, хотя он не мог конкурировать с английским

банком по объему операций.. Даже когда британский банк был вынужден свернуть свои операции в Иране, не выдержав натиска правительства (был принят закон, по которому большая часть привлеченных банком средств должна была храниться в Национальном банке Ирана на беспроцентном счете).

Мы узнали об окончании работы британского банка одними из первых. Нам принесли письмо в длинном плотном конверте с гербом и зеленой сургучной печатью, в котором находилось послание, подписанной Председателем правления банка (кажется, его звали лорд Пейн). Он сообщал, что его банк заканчивает свою работу в Иране, и он благодарит Русско-Иранский банк за долготетнее сотрудничество. Письмо было напечатано английским готическим курсивом на гербовой бумаге и подписано лордом. Мы довольно долго сочиняли ответ, который по содержанию был адекватен полученному сообщению. Кстати, с лордом Пейном мы встречались незадолго до этого в его кабинете в красивом здании на площади Тупхане (потом это здание было куплено Торговым банком). Дело в том, что все банки Ирана, а их было в то время 7 или 8, имели текущие счета друг у друга. У нас был текущий счет Британского банка, и хотя между нами не было регулярных финансовых операций, иногда на этом счете скапливались довольно крупные суммы, которые англичане снимали, выписав чек какому-нибудь из своих клиентов. И вот, однажды в наш банк пришел иранец и предъявил к оплате чек со счета Британского банка на полтора миллиона. Я его, как всегда оформил, но через несколько минут ко мне подошел счетовод, и сказал, что на счете не хватает двухсот тысяч. Я тут же сообщил об этом директору, он велел мне соединиться по телефону в его кабинете с бухгалтерией Британского банка и сообщить им об этом. Главбух Британского банка попросил нас обслужить клиента, пообещав, что он срочно пополнит счет. Мы так и сделали, и иранец, который в это время пил чай за столом, получил свои деньги и ушел, а минут через пятнадцать в наш операционный зал вбежал инкассатор англичанин, быстро заполнил приходный ордер, достал из портфеля несколько запечатанных пачек банкнот, положил их в кассу и был таков. Я снова оформил бумаги, но через полчаса ко мне подошел наш кассир Вазген Мкртчян и сказал, что англичане принесли лишние сто тысяч. Мы уж вдвоем пошли к директору, он с нами пришел в кассу, снова пересчитали деньги, и оказалось, что англичане второпях, видимо, перепутали пачки, которые были в банковской упаковке, и положили сто тысяч лишних. Когда мы удостоверились, что это так, я снова позвонил в Британский банк, попросил председателя правления от имени шефа принять нас, получил согласие, положил в портфель лишние деньги (примерно мою годовую зарплату) и мы поехали к англичанам. Сначала разговор был нейтральным, потом лорд извинился за то, что бухгалтерия просмотрела нехватку средств на счете и нас были вынуждены побеспокоить, шеф ответил, что это ерунда, и мы приехали по другому вопросу. Когда он рассказал о цели нашего визита, лорд велел вызвать главного кассира. Через несколько минут в кабинет вошел высокий человек с рыжими волосами, лежавшими кудрявым венчиком на голове, с трубкой во рту, в брюках «гольф», клетчатых носках и ботинках на толстой подошве из белого каучука. Он выслушал лорда, который сказал ему, что инкассатор передал нам лишние сто тысяч. Я смотрел не его лицо, которое не выразило никаких эмоций. Он вынул трубку изо рта, сказал «наш банк никогда не ошибается», повернулся и вышел из кабинета. Лорд улыбнулся и сказал нам, что, вероятно, ошибся наш кассир при пересчете денег. После этого мы распрощались, сели в машину и уехали. Лишние деньги зачислили на счет «разные доходы». А шеф сказал мне «вот так профессионалы берегут свою репутацию». Этот случай я запомнил на всю жизнь.

Кстати, наш Русско-Иранский банк сумел тогда договориться с руководством Национального банка, они нам начисляли на наши средства 2,5 % годовых, что позволило нам, хотя и не расширять объем операций, но хотя бы выжить и переждать, пока это закон не был отменен, уже после ликвидации англичан. Большую помощь нам оказал в этом заместитель председателя правления Национального банка Кашани, сын крупного иранского купца, который еще до революции отправил его в Россию, где он закончил коммерческое училище, затем уже в советское время – Институт инженеров путей сообщения, работал инженером на строительстве ж/д Турксиб, но когда его отец в Иране умер, ему с русской женой пришлось вернуться в Тегеран, где он поступил работать в банк и постепенно вырос до заместителя председателя). Так прошел 1952 год

1953 год начался как всегда, со встречи праздника всей советской колонией в парадном зале Посольства, Все служащие нашего банка получили небольшие премии, всем почтальонам, телеграфистам и мирабам (людям, ответственные за пуск воды по арыкам), которые обслуживали наш банк, были розданы «бакшиши» (что, кстати, делалось и на иранский новый год – «Ноуруз», на 8 марта, 1 мая и 7 ноября тоже).

Начало марта 1953 г. Вся советская колония в напряжении. Наше радио сообщает о болезни Сталина, причем медицинские сводки каждый день делаются все тревожнее. И, наконец, включив рано утром приемник, мы с женой услышали величественную траурную музыку Шопена, поняв без слов, что случилось.. Великий Сталин покинул этот мир. Я быстро одеваюсь и иду с остальными в Посольство, где уже начинают готовить парадный зал к траурной церемонии. На одной стене висит большой портрет Сталина во весь рост в парадном мундире и брюках навыпуск, на противоположной – портрет поменьше

У большого портрета несколько горшков с цветами. Собираются люди, приезжают автобусом из торгпредства, из других мелких организаций. Начинается траурный митинг. Женщины плачут, многие мужчины вытирают глаза. Распоряжение по аппарату – всем сотрудникам явиться в посольство, и дежурить во дворе и в помещении. Посол и советник встают у дверей. Начинают приходить первые рабочие делегации, идут люди с цветами, У положенного при входе на столе у альбома для записи соболезнований вырастает длинная очередь, конец которой через пару часов теряется во дворе у ворот. После обеда во дворе вдоль здания посольства ставят козлы, на которых лежат доски и стопки писчей бумаги. И к каждой такой стопке стоит очередь, общий конец которой начинается за воротами на улице Черчилля. Так проходят первый и второй дни. У меня в голове крутится мысль, – какая разница с траурной церемонией по случаю смерти английского короля Георга V в 1952 г. Я был в британском посольстве, где в вестибюле стоял стол с портретом короля и лежал большой альбом, в котором чинно входившие довольно редкие посетители оставляли свои записи, и где я тоже написал несколько слов.

Недалеко от Меджлиса, на площади Бахарестан официальный правительственный митинг. Высокая трибуна, вся увитая цветами, с большим портретом вождя всех народов, и море народа вокруг. Ораторы один за другим поднимаются по приставной деревянной лестнице наверх и произносят речи

На третий день у посольства собирается еще больше народа, много делегаций из других городов с венками, портретами Сталина в рамках. Гора цветов у портрета метра полтора высотой и 3-4 метра от стены. Цветы кладут друг на друга, гора их растет с каждым часом.

Вечером третьего дня посол дал распоряжение закрыть ворота и прекратить впуск посетителей. Но люди все идут, они подходят к воротам, через окошко просят дежурного коменданта передать цветы, записки, стихи в зал.

Ночью несколько молодых людей начинают разбирать принесенные цветы и все, что лежит у подножия портрета. Все ленты, записки, рисунки, фотографии (многие в инкрустированных, и иногда и в серебряных рамках), складываем в два громадных ящика для отправки в Москву (интересно, куда это все потом делось), а цветы и венки охапками выносим и складываем в две грузовые машины на вывоз.

И еще много дней клиенты нашего банка, приходя по своим делам, выражали нам свое соболезнование..

Мне казалось тогда, что для очень многих иранцев имя Сталина, которое для них являлось синонимом Советского Союза, было своеобразной путеводной звездой, указывавшей путь к счастливой жизни, за что они тоже боролись, теряя людей в тюрьмах и ссылках. И я думал о великой силе пропаганды, которая заставляла думать этих, большей частью не очень образованных людей, что в какой-то стране царит закон, и все люди живут счастливо, не зная угнетения и несправедливости.

Внутриполитическое и экономическое положение в стране

В нашем представительстве ВОКСа (Всесоюзного общества культурной связи с зарубежными странами) в Тегеране, расположенном в большом особняке с садом и кинозалом, больше года на втором этаже безвыездно жил заместитель председателя Иранского общества дружбы с СССР, известный писатель, поэт и переводчик с русского Керим Кешаварз, старший брат которого, Феридун, был известным педиатром и лечил детей шахских родственников, а младший – Джамшид, был членом Народной партии и эмигрировал в СССР, где работал на радио. Керима Кешаварза хотели арестовать, но он успел спрятаться в здании ВОКС, которое имело статус дипломатической неприкосновенности, хотя полиция день и ночь дежурила у ворот, не давая ему выйти. Я был знаком с младшим братом по работе в радиокомитете, и узнав, что я еду в Тегеран, Джамшид Кешаварз попросил меня найти Керима и передать ему, что в Москве все в порядке. Приехав в Тегеран, я через несколько дней заехал в ВОКС и часа три рассказывал Кериму Кешаварзу, которому к тому времени было 45 лет, как знакомые мне иранцы-народники живут в Москве. На память об этой встрече у меня

хранится персидский перевод лермонтовского Героя нашего времени с дарственной надписью Кешаварза - переводчика. Он же нашел мне хорошего преподавателя персидского языка, с которым я занимался до августа 1953 г. Этот преподаватель, приятный и очень интеллигентный молодой человек, немного старше меня, работал заведующим литературным отделом подпольной левой молодежной газеты, Всегда шикарно одетый, с модным широким галстуком, золотым перстнем и портфелем красной кожи, в котором он иногда приносил мне почитать свежие номера своей газеты, он никак не походил на членов Народной партии. На мой вопрос, как он не боится полиции, он всегда смеялся и говорил, что полиция его никогда не трогает, члены Народной партии носят белые рубашки с расстегнутым воротничком и усы, а он никак не подходит под этот тип. Мы занимались по вечерам в помещении банка два раза в неделю по 2-3 часа. Я читал и пересказывал книги и статьи из газет, а также читал стихи, в основном классическую персидскую поэзию, к которой я до сих пор отношусь с большой любовью. Он исчез в 1953 г. осенью, когда после кратковременного бегства шаха из Ирана началась тотальная борьба с левыми партиями.

В стране было неспокойно. Иранцы протестовали против войны в Корее, многие вступали в Иранское общество сторонников мира, которое возглавил весьма почитаемый в Иране Малек-ош-Шоара (король поэтов) Бахар. Под Стокгольмским обращением сторонников мира было собрано около 2 млн. подписей. Иранское правительство под давлением общественности отменило свое решение о посылке военного контингента в Корею. Иранцы выступали против безраздельного хозяйничанья англичан на нефтяных промыслах страны, против попыток американцев вытеснить англичан из нефтяного бизнеса в Иране и захватить его в свои руки. Демонстранты требовали восстановления торговых связей Ирана с Советским Союзом, признания Китайской народной республики, отмены преследования прогрессивных партий в стране. Выступавший против англичан премьер-министр генерал Размара был убит 7 марта 1951 г. во дворе мечети на базаре. Это еще больше накалило обстановку, и под давлением народа иранский меджлис принял через неделю решение о национализации Англо-Иранской нефтяной компании, которая была фактическим хозяином иранской нефти в течение нескольких десятилетий. В ответ Англия и США направили в район Персидского залива около 40 военных кораблей, стали раздавать оружие иранским племенам, жившим в южных районах, агитируя их за выступление против Тегерана, «который, якобы, отбирает у них нефтяные богатства». Назначенный на пост премьера Хоссейн Ала, бывший до этого послом Ирана в Вашингтоне, стремился договориться с англичанами и одновременно подавить народные волнения, введя военное положение, что вызвало новую волну протеста и всеобщую забастовку нефтяников. Шах был вынужден отправить его в отставку и назначить вместо него премьер-министром Мохаммада Мосаддека – руководителя Национального фронта, выступавшего за полную национализацию нефтяной промышленности. Единomyшленником Мосаддека в то время был и председатель Меджлиса и духовный вождь страны аятолла Кашани.

Все чаще происходили студенческие беспорядки и демонстрации рабочих, требовавших улучшения условий труда. Полиция и войска разгоняли демонстрации, арестовывали зачинщиков и руководителей демократических организаций. Разгоралась борьба между сторонниками и противниками премьер-министра доктора Мосаддека, который выступал за либерализацию внутренней политики и противостоял сперва англичанам, а потом американцам в нефтяном вопросе.. В Иране были закрыты британские консульства и культурный центр – «Бритиш .кансел». Меня, видимо из-за моих светлых волос, неоднократно принимали за американца, и положение спасало только знание персидского языка. И, тем не менее, я однажды пришел домой в плаще с листовкой, ловко приклеенной у меня на спине, на которой был нарисован Дядя Сэм, летящий в воздухе от удара персидского сапога. Все это было снабжено еще надписью «Ami, go home».

США и Великобритания объявили экономическую блокаду Ирану, за ними последовали и остальные послушные им страны. Иранское правительство отчаянно нуждалось в валюте, Мосаддек просил советское правительство закупать у Ирана нефть в течение трех лет за 50% рыночной стоимости, предоставить Ирану кредит в сумме 10 млн. долларов и вернуть золото, принадлежавшее иранской стороне. По непонятным причинам наше правительство отказалось удовлетворить просьбу иранского премьера, хотя по оценкам экспертов, СССР в тот год провез через проливы в Черное море 12 млн.т нефти, закупленной по мировой цене. Эти факты иранцы вспоминали нам еще перед революцией 1979 г.

В конце апреля 1951 г доктор Мосаддек провел Закон о национализации нефти через обе палаты парламента и 2 мая того же года представил парламенту свое новое правительство и его программу, первым пунктом которой значилось выполнение принятого закона на всей территории

Ирана в полном объеме. Парламент утвердил представленную программу, и была создана комиссия по ликвидации Англо-Иранской нефтяной компании.

Нужно сказать, что правительству доктора Мосаддека пришлось работать в очень тяжелых условиях, когда на него оказывалось сильное давление, как справа, так и слева. Шахский двор и проанглийская часть парламента критиковали его за то, что после национализации нефти страна перестала получать стабильный доход от ее продажи. Продавать нефть Иран не мог из-за экономической блокады, объявленной Англией и Америкой. С другой стороны, часть левых партий во главе с народниками обвиняли его в нерешительности и сговоре с империалистами. Англия обратилась в международный суд в Гааге, требуя признать национализацию нефти в Иране незаконной, но доктор Мосаддек выступил на суде с яркой речью, выразив мнение, что никакие законы не дают права этому суду решать внутренние иранские проблемы.

В то же время в Иране происходили выборы в Парламент ХУП созыва. Правительство пыталось сорвать выборы, но часть депутатов оказалась все же выбранной, и этого количества хватило, чтобы парламент мог начать работу. Возвратившись из Гааги, Мосаддек, по положению, явился в парламент и подал прошение об отставке своего кабинета. Парламент снова поручил ему сформировать кабинет, и он согласился, при условии, что ему будет подчиняться армия во главе с военным министром. Он объяснил, что как все министры, военный министр также является членом кабинета, и поэтому должен быть назначаем премьером. В Иране же существовало правило, по которому все военные назначения осуществлялись лично шахом, который день ото дня усиливал свое влияние в армейских кругах, и у Мосаддека было опасение, что шах может с помощью армии совершить переворот и задушить национальное движение. 16 июля 1952 г Мосаддек встретился с шахом, который в резкой форме заявил, что назначение военных является прерогативой главы государства, и об изменении этого порядка не может быть и речи. Премьер тут же подал в отставку, которая и была принята. Новым премьер-министром был назначен Ахмад Кавам (Кавам ос-Салтане), который незадолго до этого встречался с послами США и Великобритании, заверивших его в своей поддержке в случае назначения премьером. Кандидатуру Кавама поддержал Сенат и правое крыло Меджлиса, но первое же выступление нового премьера вызвало бурю негодования. Он обвинил Мосаддека в ухудшении экономической ситуации в стране, в целенаправленном ухудшении отношений с Великобританией и США, обещал расправиться с помощью военных трибуналов со всеми сторонниками бывшего премьера, Он обещал решить нефтяной вопрос и восстановить порядок в стране. Часть его речи была посвящена духовенству, которое он пообещал «отдалить от политики». Эта речь вызвала всеобщее возмущение, часть депутатов Меджлиса выпустили воззвание, в котором они утверждали, что продолжение национального движения может быть только под руководством Мосаддека. В различных городах начались забастовки и проходили многотысячные демонстрации. В Тегеране забастовали водители такси, и группы молодых людей останавливали все машины, ездившие по городу. А нам нужно было отправить в Москву телеграмму, и мы с Колей Струковым сели в наш Форд, и боковыми переулками поехали по направлению к телеграфу. До половины дороги все было нормально, как вдруг на одном перекрестке группа молодежи стала делать нам знаки остановить машину. Коля решил прорваться, и почти сделал это, как вдруг мы увидели впереди человека, который бросал в нас большой булыжник. Переулок был тесный, свернуть было некуда, но мы оба инстинктивно пригнулись, в следующий момент на нас посыпались осколки ветрового стекла, а камень ударился о баранку и вылетел в боковое открытое окно. Когда мы остановились, несколько человек подбежали к машине с угрожающим видом, но получив заверения в том, что мы не англичане, а совсем даже наоборот, мы получили возможность продолжить наш путь. Нас предупредили, что возвращаться нам лучше по этой же дороге во избежание возможных неприятностей.

Против Кавама выступил аятолла Кашани, назвавший нового премьера «политическим предателем». Он призвал всех мусульман вступить на путь «джихада» (священной войны), и показать сторонникам проимпериалистической политики, что попытки восстановить их бывшее могущество и господство потерпят крах, и что «мусульманский народ Ирана не разрешит никаким иностранцам руками своих наемников попираť его государственный суверенитет» Это обращение произвело свое действие. В Тегеране закрылся большой базар, что всегда. Было признаком как противостояния духовенства и поддерживавшего его народа и власти. Начались беспорядки, Кавам был вынужден вывести на улицы войска, включая танковые соединения. После работы 21 июля я решил пойти посмотреть на митинг, который должен был состояться около Меджлиса но, не доходя до площади услышал выстрелы и заметил, что навстречу мне бегут люди. Помня, что нельзя ни во что вмешиваться, я в нерешительности остановился, но тут меня схватил один из пробежавших мимо и спросил, куда я иду. На мой ответ на митинг, он повернулся и показал рукой в сторону Меджлиса,

откуда шли два танка, поводя стволами пулеметов.. Ну, что такое танк я еще помнил со времен войны, и уговаривать меня покинуть это место было не нужно.

На следующий день я вновь пошел к Меджлису, народа было немного, солдат не было видно, проходили только полицейские патрули. Я завернул в переулок около красивой мечети «Сепас Салар», выстроенной в свое время около здания Медлиса, и увидел несколько человек, что-то рассматривавших. На белой стене виднелся след кровавой ладони и пальцем кровью были написаны слова «йа марг, йа Мосаддек» (смерть или Мосаддек). Это сделал накануне кто-то из участников митинга. Кстати, плакат с изображением этой ладони использовало духовенство во время подготовки революции 1979 г.

На защиту Мосаддека выступил Народный фронт, по городам прокатилась волна забастовок и митингов, звучали призывы «смерть шаху», «смерть англичанам». 22 июля новый премьер ушел в отставку, правительство было снова сформировано Мосаддеком, который получил право не только контролировать министерство обороны (до этого оно называлось военным) но и принимать чрезвычайные меры и подписывать и их выполнять указы, если это будет вызвано сложившимися обстоятельствами. В этот же день из Гааги пришло сообщение о том, что Международный суд отказался рассматривать иск английского правительства, и, таким образом, Иран выиграл дело. Это извести было встречено всеобщим ликованием, и расценивалось как новый успех в борьбе с англичанами.

А через несколько дней к нам в банк пришел высокий худощавый полковник в темных очках и спросил, можно ли открыть текущий счет.. Как всегда, я дал ему карточку и попросил ее заполнить. Полковник ушел, а на следующий день пришел снова и принес заполненную карточку. Я, стал ее переводить, и не поверил своим глазам. Человек, подписавший карточку, и желавший положить на счет в нашем банке несколько миллионов, оказался только что ушедшим в отставку премьер-министром Кавамом ос-Салтане, а полковник был его доверенным лицом. Поскольку случай был необычным, я доложил директору, тот запросил Москву, и получил ответ, что это делать «нежелательно». Мне пришлось извиниться перед полковником, и передать ему решение начальства. Как оказалось Кавам ос-Салтане обращался также в Ингосстрах, с просьбой застраховать его жизнь на несколько миллионов, но тоже получил отказ. Интересно, что при всей своей анти

Бегство шаха из страны и переворот

Положение в Иране и правительство Мосаддека никоим образом не могло устроить ни Англию, ни, тем более, Соединенные Штаты, и они начали вести подготовку к смещению иранского премьера со своего поста. Одной из причин недовольства было участие представителей Народного фронта в работе правительства и англичане убеждали американцев, что это открывает путь к власти «коммунистам» в лице Народной партии.

Правительство Мосаддека продолжало испытывать сильное давление как со стороны шахского двора и правых партий, недовольных его политикой, так и со стороны левых, которые обвиняли премьера в том, что он идет на сговор с американцами. В это время у премьера испортились отношения и с религиозными кругами, некоторые представители которых приняли стороны шаха и стали напрямую действовать против правительства. Премьер пытался противодействовать давлению возрастающей оппозиции, было арестовано несколько сот офицеров - сторонников шаха, однако разногласия внутри Национального фронта, тяжелое экономическое положение, выражавшееся в росте цен, нехватке продовольствия, инфляции, и особенно противодействие религиозных лидеров, открыто обращавшихся к народу, делали политику Мосаддека, все менее популярной. При шахском дворе в это время обсуждались конкретные планы свержения правительства при помощи американских агентов. Эти планы всецело поддерживались в Вашингтоне такими фигурами, как Джон Фостер Даллес, Эйзенхауэр, Гарри Трумен, Гарриман и др. В Великобритании эти планы поддерживались Антонии Иденом и министром финансов Батлером.

В июле 1952 г. в Вашингтоне было решено перейти к более решительным мерам. В Иран был направлен генерал Шварцкопф, который в свое время руководил обучением жандармерии и был хорошо знаком с иранским генералом Захеда, занимавшим пост начальника жандармерии². Вскоре в Швейцарии собрались: Ален Даллес, Джон Фостер Даллес и посол США в Иране Лой Гендерсон. К ним вскоре присоединилась сестра шаха Ашраф, игравшая роль связной между Швейцарией и Тегераном.

² Генерал Захеда, известный в Иране своими прогерманскими настроениями, был избран заговорщиками, как возможный премьер-министр в случае свержения Мосаддека. Так, собственно и произошло, он стал премьером, а его сын – Ардешир, был назначен адъютантом шаха, женился на его дочери от первого брака с сестрой последнего египетского короля – Фарука, однако этот брак быстро распался, и Ардешир Захеда долгие годы исполнял обязанности иранского посла в Вашингтоне, поражая гостей на приемах количеством черной икры и целыми осетрами.

13 августа 1953 г. шах подписал указ о смещении доктора Мосаддека с поста премьер-министра и второй указ – о назначении на этот пост генерала Захеи. Шах направил к Мосаддеку начальника своей гвардии с подписанным указом, сам же от греха подальше улетел с женой на каспийское побережье «отдыхать». Премьер велел арестовать генерала с указом, и когда эта весть дошла до шаха, он на своем самолете вылетел через Багдад в Италию.

Иранские газеты утром сообщали, что шах бежал из страны, что раскрыт заговор и т.д. На следующий день Гендерсон прилетел в Тегеран, явился к премьеру и заявил, что США не могут более мириться с его политикой и будут противиться ей всеми силами. В городе же творилось нечто невообразимое. Народ ликовал, на улицах не было видно ни военных, ни даже полицейских, Мальчишки лет 12-14 вставали на перекрестках и регулировали движение транспорта, были случаи избияния солдат и полицейских толпой народа.

На городском митинге на площади Бахерестан я слышал, как министр иностранных дел Фатеми объявил шаха предателем и заявил, что им дано распоряжение всем посольствам не оказывать шаху никакой помощи. Так прошло два дня, а на третий день наше руководство приняло решение закончить работу к обеду и всем вместе выехать в летнюю резиденцию в Зарганде. Мы ехали колонной, сперва шел маленький автобус с работниками торгпредства, потом шла наша банковская машина, машина торгпреда и последним шел ЗИС 101 с послом. На подъезде к радиостанции дорога была запружена народом с палками, отрезками железных труб, цепями. Нам кричали, чтобы мы приклеили портрет шаха на ветровое стекло и включили радио. Поскольку портрета у нас, естественно, не было, пришлось достать небольшую купюру, плюнуть на нее и приклеить к стеклу. Радиоприемник же выдавал сплошной треск. Так мы медленно проезжали сквозь возбужденную толпу людей, и вдруг заметили, что машина посла исчезла. Оказывается, им тоже велели приклеить портрет шаха, посол отказался, тогда толпа отсекла его автомобиль от остальной колонны и стала угрожать, размахивая палками. Посол сперва требовал от водителя, чтобы он прорвался сквозь толпу, но он отказался. Шоферу удалось сдать назад и развернуться, после чего он через город круговой дорогой приехал в Зарганде, где посол быстро забрал жену и повара, и уехал в город под охрану посольских стен.

Когда мы, в конце концов, добрались до места, ко мне пришел торгпред, живший в нашем домике за стеной, мы включили радио, и через несколько минут началась передача. Создавалось впечатление, что в студии человек двадцать разговаривают, кричат, перебивают друг друга, и никто никого не слушают. Вдруг раздались звуки гимна (нужно сказать, что шахский гимн в течение трех дней нигде не исполнялся, даже в кино, где его играли перед каждым сеансом, и публика должна была вставать), затем какая-то женщина звонким голосом стала кричать «да здравствует шах» «смерть Мосаддеку», и добавлять к этому слова, которые именуются «ненормативной лексикой» и которых я половину не мог перевести стоявшему около меня торгпреду (как я потом выяснил у персов, это была одна из самых известных проституток города) Все это прерывалось в очередной раз звуками гимна и новыми криками. Сообщалось, что Мосаддек и все правительство арестовано, что шах возвращается в страну и т.д.

Как потом выяснилось, Гендерсон не терял времени даром. Мобилизовав всех американцев, а их в Иране было от 3 до 4 тысяч, он с помощью Захеи открыл тюрьмы, всем выпущенным уголовникам платили деньги за то, что они ездили с портретами шаха на нанятых под угрозами такси по городу, и кричали «да здравствует шах». Один же из американских офицеров подъехал в танке к дому Мосаддека и выстрелил из пушки по его спальне. Премьеру удалось спрятаться в доме у соседей, где его арестовали через неделю, министра иностранных дел Фатеми нашли в какой-то деревне через два месяца, остальных членов кабинета также постепенно арестовали. Расстреливали людей прямо на улицах.

Начались суды, расстрелы и казни без всяких судов. Сотни погибших и тысячи заключенных – таковы были итоги противостояния Ирана и западных держав в нефтяном вопросе, и демократическое движение в стране было надолго подавлено и загнано в подполье. Через некоторое время шах подписал соглашение с международным консорциумом (семи сестрами) о передаче ему прав на разведку и добычу нефти на территории страны. Нефтяные компании подарили ему на память золотой сервиз из 48 предметов общим весом 24 кг. Этот сервиз показывали по телевизору после вторичного, теперь уже окончательного бегства шаха из страны, после исламской революции. Интересно, что он был расставлен на столе, и шах его с собой не взял, хотя его вещи при бегстве вывозили на двух Боингах.

Так закончился начальный этап борьбы Ирана за право самостоятельно распоряжаться своим национальным богатством – нефтью, чтобы возобновиться с новой силой через четверть века, теперь уже под руководством духовенства и вопреки воле шаха и правительства.